

АНАТОЛИЙ БЕЗУГЛОВ
•
СЛЕДОВАТЕЛЬ ПО
ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Классическая библиотека
приключений и научной фантастики

Анатолий Безуглов

**Следователь по
особо важным делам**

«Центрполиграф»

1980

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос)

Безуглов А. А.

Следователь по особо важным делам / А. А. Безуглов —
«Центрполиграф», 1980 — (Классическая библиотека
приключений и научной фантастики)

ISBN 978-5-9524-5306-7

Детективная повесть Анатолия Безуглова рассказывает о трагической гибели молодой женщины в одном из алтайских совхозов. Дело поручено молодому следователю по особо важным делам Прокуратуры РСФСР советнику юстиции Игорю Чекурову. В ходе доследования открываются новые обстоятельства этого запутанного преступления...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос)

ISBN 978-5-9524-5306-7

© Безуглов А. А., 1980
© Центрполиграф, 1980

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	39
Глава 9	44
Глава 10	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Классическая
**БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ**

Анатолий Безуглов
Следователь по особо важным делам

Глава 1

Я всегда завидовал спортивным болельщикам. Завидовал глубоко и обреченно. У них могущественные покровители. О них особая забота. Посмотрите, какие огромные строят для них стадионы, разом вмещающие население приличного города (а то и государства, например Монте-Карло), какие дворцы спорта. Иногда мне думается, что телевидение изобретено специально для них. Не верите – изучите программу телевидения. Редкий день обходится без футбольного или хоккейного матча или там водного поло, борьбы самбо, поднятия штанги... А то выпадет на какое-нибудь число несколько матчей сразу.

Зависть моя оттого не утихает, что у меня тоже есть страсть. И болеет ею не так уж мало людей. В том легко убедиться: попробуйте достать билет в Большой театр, когда партию Жизели исполняет Бессмертнова, а в «Спартаке» танцуют Максимова и Васильев.

Но что может сравниться с ощущением, когда ты, сжимая в руках драгоценный клочок простой бумаги, проходишь сквозь строй неудачников в ворота твоего храма!

И становишься, как правило, свидетелем единственного, неповторимого! Я уже не говорю о самой обстановке: торжественное ожидание чуда, непередаваемое волнение присутствия.

Вот почему я просто не мог не послушать Кибкало в «Женитьбе Фигаро», не имел права.

В Центральной театральной кассе билетов, разумеется, не было. Я попытал счастья в кассах Большого театра.

С таким же успехом.

И вот пришлось встать засветло, взять такси (метро еще не открылось) и подъехать к кассам Большого театра. Водитель, узнав, куда везет столь раннего пассажира, посмотрел на

меня подозрительно. А когда увидел толпу таких же «ненормальных», как я, сочувственно покачал головой.

Потом волнения: будут ли билеты? Билеты были только на спектакль, который состоится через три недели.

Но и это считалось удачей...

В день спектакля я был «при параде» с самого утра. Потому что за шестьдесят минут, разделявшие окончание работы и начало спектакля, немыслимо слетать от Кузнецкого Моста, где моя служба (Прокуратура РСФСР), до Бабушкина – места моего жительства – и обратно в центр. Благо от моего учреждения до Большого театра десять минут ходу. Все шло по расписанию.

В четыре позвонила Надя, справилась, не отменяется ли поход.

Надя работала рядом. Дом моделей. Мое первое (очень хотелось бы, чтобы и последнее) «случайное» знакомство.

В ресторане ЦДРИ. Сколько раз мы передавали друг другу дежурное обеденное меню, прежде чем я решился заговорить о чем-либо, не имеющем касательства к бульону с пирожком и бифштексу.

У нее, оказалось, тоже было желание свести более близкое знакомство. Но почему-то оно шло по линии, которую я долго не мог взять в толк. Моя собеседница все время сбивалась на разговор о том, что какое-то СМУ постоянно роет траншею возле их дома и портит телефонный кабель.

Я намекнул, что простое человеческое общение лучше телефонного. Она же твердила о своем: о кабеле, о СМУ...

Объяснилось все неожиданно: Надя принимала меня за работника связи. Да, были времена, когда прокурорская братия носила погоны. Теперь же наш удел – скромные звездочки в петлицах.

Узнав мою настоящую профессию, она заметно зауважала меня. А я обрадовался тому, что Надя не манекенщица. Право же, конструктор-модельер с фигурой манекенщицы – это действует на мужское воображение. Свободное от семейных забот. Правда, впоследствии выяснилось, что начинала она с манекенщицы. Что ж, я тоже начинал совсем не со следователя...

В тот день я подтвердил Наде, что уговор в силе. А это значит, что, отпросившись у своего начальства (Агнессы Петровны, с которой мне довелось уже познакомиться по телефону), она поедет домой переодеться. Чтобы успеть к нашей встрече у крайней колонны слева.

В пять часов мне позвонили из больницы. Отоларинголог, который меня лечил, сказал, что в отделении завтра освобождается место. Мне следовало бы обрадоваться. Что я и высказал по телефону. А когда положил трубку, почувствовал неприятный холодок. Какая может быть радость от того, что тебе полезут скальпелем в горло? Брр!

Что ж, видимо, пора дать решительный бой...

В четверть шестого заглянула в мой кабинет Фаиночка.

Миниатюрное существо со вздернутым носиком и каштановыми кудряшками. Секретарша зампрокурора республики.

Фаиночка работала совсем недавно. Срезалась на вступительных экзаменах в заочный юридический институт, но юриспруденция, как говорится, прикипела к сердцу, и она пошла служить в прокуратуру.

На ней было простенькое платьице. И все в ней было естественно и человечно, слова и поведение. Глядя на нее, я с грустью думал: неужели и она когда-нибудь совет себе кокон вежливо-холодной секретарской учтивости?

– Игорь Андреевич, Иван Васильевич просил, чтобы вы зашли к нему в конце работы.

Мой телефон частенько занят. И если я нужен начальству, она не ленится подняться на два этажа.

Смущается, краснеет, но приходит. Правда, в буфете (если у меня нет времени на поход в ЦДРИ) никогда не сядет за мой столик. Прекрасный повод для шуток. Его с удовольствием используют некоторые мои коллеги. И вгоняют девушку в краску.

– А сейчас Иван Васильевич занят? – спросил я.

– Его просто-напросто нет. В Совмине. Вы его все-таки дождитесь. Просил...

– Уж эти просьбы, – сказал я. – Паче приказания.

Фаиночка сморщила носик: рада, мол, помочь, но нечем. Перед тем как она захлопнула дверь, я попросил:

– Как только объявится, позвоните?

– Обязательно, Игорь Андреевич.

Ее кудрявая голова исчезла.

Значит, завтра к двенадцати – в больницу. С узелком.

Всякие там кулечки, электрическая бритва, зубная щетка...

Собираюсь лечь уже второй год, а тут сразу – завтра. За полдня надо успеть переделать массу дел. Позвонить в прачечную, чтобы белье не привозили. Непременно внести взнос за кооператив. И так уже задолжал за два месяца.

По работе, слава богу, ничего срочного. Неделя ничего не решает. Правда, я слышал, что после операции некоторое время разговаривать не разрешается. А сколько? Надо было узнать. Немой следователь – что за следователь...

Незадолго до шести я не вытерпел и, не дожидаясь звонка Фаиночки, спустился в приемную к заму.

Ивана Васильевича еще не было. Секретарша смутилась. Словно в отсутствии начальства была виновата она.

Конечно, ровно в шесть я имел право, как и все, покинуть службу. Де-юре. Но де-факто... Не знаю, отыщется ли такой человек, кто решится не уважить просьбу руководства. Впрочем, де-юре тоже не очень на моей стороне. День у меня ненормированный... С мрачным видом я устроился в кресле возле Фаиночкиного стола.

Девушка продолжала бойко стучать на машинке, изредка бросая на меня извинительные взгляды. Наверное, по молодости она считала себя обязанной уходить вместе с шефом. Или по его разрешению.

А может быть, она сегодня осталась из-за меня, чтобы мне было не так скучно в приемной?..

В четверть седьмого мне стало тоскливо.

Звонить Наде бессмысленно – в пути.

При всем моем уважении к Ивану Васильевичу в эти минуты я про себя не очень лестно о нем отзывался.

На всякий случай сбегал наверх, к себе. Может быть, Надя все-таки позвонит. Но аппарат молчал.

Тогда я спустился в приемную (опять же бегом), чтобы не упустить ни одной секунды.

Но зампрокурора все не было. Я снова пошел к себе.

Еще в коридоре услышал звонок и бросился к двери.

Это была не Надя. Звонил свидетель по делу, которое я заканчивал. Я постарался поскорее закруглиться, чтобы освободить линию.

Не успел я положить трубку, как опять раздался звонок.

– Игорь Андреевич, вы еще у себя?

Я узнал голос Агнессы Петровны.

– Да, сижу как на иголках.

– У вас сегодня приятный вечер, я знаю. Но не больше двух минут...

Знаю я ее две минуты. Поэтому говорю:

– Агнесса Петровна, дорогая, простите, ради бога, вызвали к начальству. Я вам позвоню сам, завтра. Дело спешное?

– Что вы! Пожалуйста. Успеется и завтра. Желаю хорошо провести вечер...

Я вздыхаю. Кладу трубку. Бреду по опустевшему зданию к Фаиночке.

Без двадцати семь меня охватило отчаяние. И не потому, что я до сих пор еще не подвёл моего очаровательного конструктора-модельера (хотя бы в последнюю минуту, но ухитрился уведомить, что занят). Мне было жалко ее, стройную и одинокую, сиротливо стоящую у нашей колонны.

И еще что-то во мне шевелится вроде ревности. Ведь у театра сейчас много мужчин. Молодых и модных. Но, главное, я срывал Наде вечер. Что она подумает, если я не приду?

И вот решаюсь...

– Фаиночка, сделайте мне одно одолжение.

Машинка замолчала. Я никогда ни о чем не просил девушку.

– А смогу?

– Отлично справитесь. Сходите за меня в Большой театр...

Конечно, с моей стороны это было предательством.

Я разрушал нашу дружбу самым варварским способом.

И ее мечты, быть может...

Протягиваю ей два билета.

Надевая пальтишко, которое явно куплено в «Детском мире», потому что такие размеры вряд ли продают в магазинах для взрослых, она, пряча от меня глаза, спросила:

– Как я найду... этого человека?

Боже мой! Вот действительно деликатная душа. Я чувствовал себя инквизитором.

– Крайняя колонна слева. Надежда Максимовна. Стройная. Блондинка.

Фаиночка едва слышно повторила:

– Стройная, блондинка...

– Сестра... – соврал я отчаянно. И от этого у меня стало скверно на душе.

Ее каблочки затихли в конце коридора. В мыслях я шагнул с ней вниз, по улице, у ЦУМа завернул к театру. Вот и я. Она не удивилась моему опозданию – такая у меня работа. Потом бегом (Надя ходит быстро, угнаться за ней трудно) направились в гардероб. Затем – по овальным коридорам.

Вот и ложа в третьем ярусе бельэтажа. Погасли люстры, медленно и торжественно. Сладостная минута тишины, натянутой как струна. И вот – мир взрывается божественным фортиссимо увертюры. Распахнулся занавес и...

– А, это вы, Чикуров. – Иван Васильевич остановился посреди приемной и некоторое время рассматривал меня, что-то соображая.

Он открыл дверь кабинета, прошел первый. Я – следом.

Улетучился бог весть куда Моцарт. Я стоял у стола зампрокурора.

– Садитесь. – Иван Васильевич усталю опустился на свое место. Он все еще озабоченно морщил лоб.

Меня насторожило обращение на «вы». В устах зампрокурора оно звучало только тогда, когда он был не очень доволен подчиненным. Я смотрел на его волосы, переложённые с одной стороны плечи на другую так аккуратно, будто бы каждый волосок точно знал свое место, и думал, в чем же я мог провиниться. Но вдруг последовало неожиданно:

– Так что у тебя?

«Ты» – означало расположение.

– Не у меня, а у вас, – ответил я успокоенный.

– Да, да, да... – Он вынул из сейфа голубую папку, дело. Я прикинул: листов сто, не больше. – Вот, ознакомься.

– Срочно?

– Спешить, как говорят, людей смешить. Завтра с утра и садись. На свежую голову. Не очень занят?

– Нет.

– Добро, – сказал он своим тихим голосом и слегка склонил голову в знак того, что разговор окончен.

Я попрощался. Вышел. Больше указаний не последовало. Иван Васильевич всегда говорил один раз.

Я совсем забыл сказать ему, что завтра меня ждет койка в больнице. Вспомнил об этом лишь тогда, когда зашвырнул в свой сейф голубую папку. Так в нее и не заглянув.

За окном совсем сгустилась ранняя осенняя чернота.

В стекле отражался мой наимоднейший парадный галстук, яркий, как бабочка-махаон. Подарок Нади.

Я понял, почему Иван Васильевич начал со мной так официально, на «вы». Он не любил, когда на работе появлялись одетыми не по форме. Хотя допускал, что вне стен прокуратуры каждый волен носить то, что пожелает. Был случай, когда он вогнал в слезы прежнюю секретаршу – она пришла на службу в коротеньком платье (было это еще в пору мини-юбок). Помня выговор начальства, девушка даже в нерабочее время отказалась от моды.

Каково же было удивление, когда Иван Васильевич, высмеивая молодых женщин, обряженных в коротенькие платьица, сказал:

– Гале, например, это идет, – секретаршу звали Галей. – А вот на некоторых это смешно.

Выходит, мой галстук его задел... Но знает ли он, как сам невольно наказал меня сегодня?

Когда я хочу успокоиться, я начинаю мыслить. Логически. Виноват ли, в сущности, Иван Васильевич? Его самого задержали. А те, кто задержал его, может быть, вынуждены были сделать это по каким-то обстоятельствам.

А эти обстоятельства...

Я рассмеялся. Логика иногда тоже мало помогает. Факты побеждают. Главное, я никогда в жизни не увижу сегодняшний спектакль. Он не повторится. Обиднее всего, что я пропустил его из-за дела, которое вполне может ждать до завтра.

Вечер у меня закончился, как у влюбленного юнца.

В то время, пока Надя и Фаиночка наслаждались оперой, я добросовестно выстоял очередь в кафе, добросовестно съел ужин, закруглив холостяцкую посиделку чашечкой кофе.

А потом стоял в тени около входа в метро, стараясь не пропустить две женские фигуры: маленькую, почти девчоночью, Фаиночки и – чуть выше и стройнее – Нади.

Они промелькнули в толпе зрителей, выходивших из театра. Я шмыгнул за ними, ориентируясь на красивую, пышную Надину голову. Появляться в обществе секретарши не смел: что, если Надя разоблачила уже мою ложь о нашем с ней мнимом родстве?

Вскочив в соседний вагон, я незаметно наблюдал за ними через стекло. Фаиночка сошла раньше. Надя осталась одна. Я отыскал ее блестящее пальто среди других, ярких и разнообразных, и двинулся вслед.

Догнал при выходе из метро. Взял под руку.

– Довольно смело! – сказал странный низкий голос.

Но рука не отстранилась. На меня чуть насмешливо смотрела незнакомая блондинка.

Наверное, я извинялся. Во всяком случае, что-то долго бормотал. Потом мотался по площади, высматривая Надю.

Блондинок было много. Высоких. В этих проклятых блестящих пальто. Словно вся Москва помешалась на них.

И, ругая в душе моду, уныло поплелся наконец к телефону-автомату напротив ее дома.

– Работаешь? – спросила Надя, ничуть не удивившись.

- Да, – соврал я, глядя на окно шестого этажа. – Понимаешь...
- Не извиняйся. Мы же договорились...
- Тебе понравилось?
- Я ожидала большего. Но, в общем, ничего... Игорь, – я почувствовал, что она улыбается, – эта девочка в тебя влюблена?
- Ну что ты! – убежденно сказал я. – Она молодая. В таком возрасте нравится каждый мало-мальски...
- Высокий мужчина? – договорила Надя. И весело рассмеялась. Мне показалось, что она ревнует.
- Глупости. Фаиночка – это сама кротость...
- Дорогой мой знаток человеческих душ, женское сердце – загадка.
- Не большая, чем мужское, – парировал я. Мне ужасно хотелось прекратить этот разговор. – Надя, ты была в блестящем пальто?
- А что?
- Ничего. Я скучал по тебе и гадал, как ты одета.
- В нем. Следовательская интуиция?
- Просто я подумал: вся Москва носит такие пальто... А ты все-таки модельер...
- Над этим стоит поразмыслить, – полушутя сказала Надя. – Завтра позвонишь?
- Обязательно. Да, Надюша, мне хотят вырезать железы...
- А это страшно? – Я услышал в ее голосе неподдельную тревогу.
- Не знаю. Потом скажу.
- Звони. Непременно...

Глава 2

Назавтра утром раздался звонок. Я еще не успел снять плащ.

– Товарищ Чикуров?

– Да.

– Иван Васильевич просил вас, как только ознакомитесь с делом, зайти к нему.

– Хорошо, – сказал я.

Моя ложь раскрылась, и Фаиночка вычеркнула меня из списка друзей. Мне стало смешно и грустно. В общем, досадно. А может, перемелется? И снова в моей двери будет появляться кудрявая курносая мордашка... Посмотрим. Кто-то из великих писателей сказал, что женщины не прощают. Кажется, Дюма.

Прежде чем засесть за изучение дела, подшитого в голубой папке, я позвонил в больницу. То, что я сегодня буду занят весь день, – совершенно определенно. Доктор не удивился. История, повторяющаяся в который раз.

– Знаете, что вас ожидает? – спросил он со зловещим спокойствием.

– Знаю. Ревмокардит. – Это слово он вбил в меня надежно.

– В лучшем случае, – сказал врач торжествующе. – И больше ко мне не приходите...

– Приду.

В трубке посопели. Потом – короткое:

– Когда?

– Завтра, возможно – через пару дней.

– Ох, Игорь Андреевич, Игорь Андреевич...

В голубой папке было сто девять листов. Дело о самоубийстве.

Два месяца назад в селе Крылатом Североозерского района Алтайского края покончила с собой воспитательница детского сада совхоза «Маяк» Ангелина Сергеевна Залесская, 1947 года рождения.

Старший следователь прокуратуры Алтайского края установил следующее.

«Вечером 8 июля к супругам Залесскому В.Г. и Залесской А.С. пришел в гости совхозный шофер С. Коломойцев и принес с собой бутылку водки. Коломойцев и Залесский, выпив бутылку, захотели еще. А Залесская запретила им.

Но Залесский накричал на нее и отправился с Коломейцевым домой к последнему, захватив по дороге в прод-магазине еще бутылку водки. Они распили ее у Коломейцева дома. После этого они еще пили спирт, имеющийся у Коломойцева. Сколько выпили его, не помнят. Залесский был сильно выпивши и остался ночевать у Коломойцева, в доме гр. Матюшиной Е.Д., у которой последний снимал комнату. Наутро, 9 июля, проснувшись, Залесский и Коломойцев решили пойти к А. Залесской извиниться за вчерашнее поведение.

В начале десятого утра, зайдя в дом (Залесский открыл дверь своим ключом), они обнаружили в комнате на полу около кровати труп Залесской. Правая рука умершей лежала на постели. Возле нее находилась опасная бритва в раскрытом положении.

В области шеи Залесской имелась обширная рана (лист дела 4, 5, 6).

Залесский и Коломойцев выбежали на улицу и стали звать соседей. На их крики прибежали Р. Ифанова и Е. Рябкин, живущие в соседних домах. Залесский просил вызвать скорую помощь. Но Рябкин сказал, что скорую вызывать поздно, надо звонить в милицию. Коломойцев побежал за участковым инспектором. Р. Ифанова обнаружила на столе в другой комнате предсмертное письмо Залесской, начинающееся словами: «Мой милый! Я любила тебя...» (лист дела 19, 20, 21).

Следователь райпрокуратуры и оперативная группа Североозерского районного отдела внутренних дел, вызванные участковым инспектором младшим лейтенантом милиции Лицевым, прибыли на место происшествия в двенадцать часов три минуты...»

Я дошел до фотографии места происшествия...

После осмотра трупа судмедэксперт дал заключение, что смерть Залесской наступила в период от 23 часов 8 июля до 02 часов 9 июля. При вскрытии это было подтверждено.

В заключении судмедэкспертизы указано также, что Залесская находилась на седьмом месяце беременности.

Данное место в деле подчеркнуто красным карандашом.

Выходит, это были две смерти...

Предсмертное письмо. Три листа из ученической тетради в линейку. Ровный, округлый почерк, вряд ли изменившийся со школы.

«Мой милый! Я любила тебя так, как никого и никогда не любила. Ты же со дня нашей встречи держал свои чувства как бы на тормозе. Тогда я еще не понимала, что тебе трудно раскрыть свою душу и сердце до конца. Ты сомневался во мне, а я сомневалась в тебе. Ты иногда говорил, не знаю, шутя ли, что не женишься на мне. Но я все же верила, что мы будем вместе, потому что любила.

Испытания, выпавшие на долю нашего чувства, не убили его. Я убедилась, что ты любишь меня искренне, делаешь все, чтобы я была счастлива. И сознание этого не дает мне покоя ни днем, ни ночью... Я дрогнула в какой-то момент, который я презираю и проклинаю. Ты говорил, что только настоящее чувство выходит из всех жизненных коллизий незапятнанным и чистым. Я хотела верить, убеждала себя, что моя любовь такая и есть. Но то, что я сделала, не дает мне права приравнять свои чувства к твоим. Если бы я даже и смогла перебороть себя, очиститься, постараться стать лучше, это невозможно. Все время рядом будет находиться напоминание о моем предательстве по отношению к тебе. Более того, как ни горько сознаваться, но и здесь, в Крылатом, я тоже перед тобой виновата. Не ищи виновных – я не смогла отвести беду сама, какие бы ни были обстоятельства. Не могу себе этого простить. Особенно сейчас, когда ты со мной и любишь до конца. Мне кажется, что тонкие, незримые нити нашего духовного родства, которое грело соединение двух людей, порваны. Порваны мной.

Их теперь не связать. А если свяжешь, останутся грубые узлы, о которые каждый раз будет раниться сердце. Нельзя жить, обманывая себя, – это погубит и чувства любимого человека. Ложь разъедает любовь. Без любви постылы все краски существования.

Прости меня, мой любимый, и прощай. Я не имею права пользоваться чужой красотой мира, чужой любовью, не сохранив свою в чистоте. Через судьбу не перепрыгнешь.

Уходя из жизни, прошу только об одном: береги нашего сына, чтобы он не почувствовал никогда отсутствия матери. *Аня Залесская*».

Глава 3

Графическая экспертиза, проведенная научно-техническим отделом управления внутренних дел края, вынесла утверждение: письмо написано самой Залесской.

Посмертная судебно-психиатрическая экспертиза заключала, что умершая не страдала никакими психическими заболеваниями, обладала спокойным, уравновешенным характером. Патологических отклонений не наблюдалось. В обращении с людьми была общительна, весела.

В письме упоминался сын. Из показаний Залесского я узнал, что пятилетний Сергей находился у родителей Залесского, в Одессе.

Завершало дело постановление следователя о прекращении его за отсутствием состава преступления.

Папку я закрыл часа в три. Забыв обо всем, в том числе о том, что в тринадцать часов обычно обедаю с Надей.

И что обещал позвонить Агнессе Петровне. Я набрал номер телефона Дома моделей.

Прежде всего Агнесса Петровна справилась о моем здоровье. Мы ни разу не видели друг друга, я не знаю, как она выглядит. И все же мне часто кажется, что это моя родственница. Я поздравляю ее с каждым праздником, я знаю, что на перемену погоды у нее ломит поясница, в свою очередь, я снабжаю ее сведениями, как позвонить на какой-нибудь вокзал или, например, где находится химчистка изделий из пера и пуха (знания, черпаемые из телефонного справочника на моем столе). Этой информацией мы обмениваемся за те минуты, которые необходимы Наде, чтобы дойти от своего рабочего места до кабинета начальника.

Агнесса Петровна сообщила:

– Нади нет. Уехала на демонстрацию.

– Какая демонстрация в сентябре? – удивился я.

– У нас этот праздник каждый день. Для кого-то праздник, а нам одни хлопоты... Демонстрация мод.

– Понятно. Забыл о специфике вашей работы. Но о нашем вчерашнем разговоре не забыл...

– Мне это приятно слышать. С вашей занятостью...

Кстати, Надюша говорила о вчерашнем вечере. Я преклоняюсь перед людьми, которые отдают свои силы на благо других.

– Вы преувеличиваете.

– Напротив, преуменьшаю.

Я пробормотал какую-то благодарственную фразу. И, чтобы прекратить этот разговор, спросил:

– У вас ко мне, кажется, дело?

– Право, неловко отвлекать вас от работы, но у нас в коллективе трагедия. Надя не говорила?

– Нет. Ничего не говорила.

Агнесса Петровна тяжело вздохнула:

– Работает у нас прекрасная девушка. Леночка. Подождите, я занята. Это я не вам. Так представьте себе, ухаживал за ней паренек. Приятный мальчик. Инженер. Решили пожениться. Я считаю, очень хорошо. Но видите ли, он поставил нашей Леночке условие, чтобы после свадьбы она ушла из манекенщиц. Во-первых, что в этом плохого? Красивая работа. Неплохая зарплата. Да, раздевается при людях, но ведь не совсем, до купальника... Курортники платят бешеные деньги, чтобы раздеваться где-нибудь на пляже в Сочи или Гаграх... Во-вторых, дала слово – это еще ничего не значит. Ну, потянула бы, потом свыкся бы. Нет, она прямо на свадьбе

ляпнула ему, что и не собирается бросать у нас работу. И что вы думаете? Он исчез прямо со свадебного банкета. Как сквозь землю провалился...

– М-да, – протянул я. – История.

– Я понимаю, для вас это, может быть, не очень интересно. У вас по-настоящему опасные преступники. Но положение Леночки ужасно. Штамп в паспорте, свадьба, а она на самом деле – незамужняя. Посоветуйте, Игорь Андреевич, куда позвонить, чтобы его найти?

Несмотря на комизм положения – обратиться с такой просьбой ко мне, – я понимал, что от Агнессы Петровны просто так отделаться не удастся. И решил ответить шуткой:

– Следует немедленно объявить всесоюзный розыск.

– С вашего разрешения я сошлюсь на ваш авторитет, – сказала она вполне серьезно.

– Можете, – ответил я. Что мне оставалось делать?

Объяснять – долго. Я и так опаздывал с докладом к начальству.

Перед тем как отправиться к Ивану Васильевичу, я еще раз перелистал дело.

Зампрокурора словно следил за мной по телемонитору. Его звонок раздался, как только я поднялся со стула.

– Прочел?

– Да.

– Зайди ко мне. С делом.

Фаиночка сосредоточенно оттачивала карандаш и, холодно взглянув на мою физиономию, на которой я попытался изобразить извинительную улыбку, молча показала на дверь.

Я вошел в кабинет.

– Давай устраивайся, потолкуем, – предложил Иван Васильевич.

«Ну, держись, Чикуров, – сказал я себе. – Сейчас будет вечер вопросов и ответов».

Начал он неожиданно:

– Мне кажется, я расстроил вчера твои планы? – Он посмотрел на мой галстук – однотонный, синий и, как сказала бы моя мать, подобедошный.

Это уже почти извинение. И на том спасибо.

– Ничего, служба...

Он кивнул. И своим негромким голосом спросил:

– Что можешь сказать?

– Все как будто правильно. Квалифицированные экспертизы. Оформлено грамотно. А если придирааться...

– Например?

Я открыл папку.

– Вот постановление о судмедэкспертизе. «Могла ли Залесская А.С. нанести себе смертельное ранение сама...» Я бы так не поставил вопрос эксперту. Дано направление.

– Возможно, возможно... А в целом?

– Убедительно.

– Из документов тебе все ясно? – Он пристально посмотрел на меня. – Ты видишь живых людей по этим бумагам?

Я не догадывался, куда он клонит.

– Передо мной только документы. Выводы логичные.

Иван Васильевич усмехнулся:

– И в тебе, значит, сидит бумажная душа. А я думал – только в прокурорах... Говоришь, расследование тебя убедило?

– Иван Васильевич, вы мне дали ознакомиться с делом. Я его добросовестно прочел. Именно прочел. Если по-настоящему изучать его, наверное, что-нибудь меня и не убедит.

Иван Васильевич подумал.

– Может быть, ты и прав. Людей там не видно... – Он протянул мне бумагу: – Читай.

Документ был отпечатан на именном бланке депутата Верховного Совета РСФСР.

Директор совхоза «Маяк» Североозерского района Е.З. Мурзин обращался к прокурору республики с просьбой еще раз расследовать обстоятельства самоубийства Залесской А.С.

Письмо заканчивалось так: «Лично я, да и многие работники совхоза не могут поверить в то, что Ангелина Сергеевна Залесская покончила с собой. Мы ее знали как веселую, жизнерадостную женщину, полную сил и молодого задора. Ее любил и уважал коллектив детского сада, где она работала воспитательницей, и оказал доверие, выбрав в органы народного контроля. Установление истины помогло бы снять пятно со всего коллектива работников совхоза, которые трудятся во имя Родины. Случай, происшедший с А. Залесской, бросает тень на идейно-воспитательную работу на нашем предприятии...»

– Ну и что? – спросил я, закончив читать. – Факты. Где они?

– Письмо Мурзина, вот уже факт.

– Это просто бумага. Людей я не знаю... – вырвалось у меня.

– Что ж, с ними познакомишься на месте... Ну а я, как прокурор, возьму на свою душу бумаги. Кстати, вот еще одна. – Он протянул мне документ, отпечатанный на нашем бланке. – Как говорится, кесарю – кесарево, а богу – богово...

Мое непосредственное руководство – заместитель начальника следственного управления отменял постановление о прекращении крылатовского дела. Расследовать его поручалось мне. Вверху стояло – «Утверждаю» и загогулины подписи Ивана Васильевича. На прощание он посоветовал:

– Веди дело так, словно до тебя не было никакого расследования.

– Понятно.

Иван Васильевич поднял палец.

– Но, – сказал он, – и не забывай, что оно было...

Как только я переступил порог кабинета зампрокурора, тут же попал в канцелярскую машину. К концу дня мне был обеспечен билет на завтрашний самолет в Барнаул с пересадкой в Новосибирске, бронь в барнаульской гостинице.

Подразумевалось также внимание местных работников прокуратуры.

И, уже будучи не здесь, но еще и не там, я должен был решить один важный для себя вопрос: как распорядиться последним вечером перед отлетом.

Дело в том, что за полгода нашего знакомства с Надей мы еще не разлучались надолго. Служба моя непоседлива. Но по непонятным причинам судьба до сих пор щадила нас.

Я не имел в последнее время продолжительных командировок. Роскошь, которую не мог себе позволить никто из моих коллег.

Мысли о необозримых расстояниях, что разделят меня с моим конструктором-модельером на бог весть какое время, поселили в душе неуютность.

Человечество кичится своими забавными игрушками – конструкциями, перемахивающими с одного места на другое с непостижимой скоростью, мгновенной передачей текста, звуков и изображения. Но оно не решило самой главной для меня сейчас проблемы: не научилось не разлучать людей, которым не надо разлучаться.

Я позвонил Наде.

– Надюша, – сказал я, когда она взяла трубку, – знаешь, я раздумал лечь в больницу.

– Испугался?

– Нет. Жаль с ними расставаться. Хотя мы и не были хорошими друзьями, но все же – родное...

– Уезжаешь?

Я вздохнул.

– Далеко?

– Очень.

– Где мы сегодня встретимся?

– Я не хочу безликие, чужие рестораны. Хочется посидеть в семейной обстановке...

– Игорь, у тебя заскорузлый, запущенный семейный комплекс... (Через ее голос прорвалась в телефонный разговор реплика Агнессы Петровны: «А что в этом плохого?»)

– Действительно, – подтвердил я.

– Что – действительно?

– Что в этом плохого...

– На этот счет восточная мудрость гласит: холостяк ничего не знает, а семейный – молчит... (Замечание Агнессы Петровны: «Счастливые браки еще иногда попадают. Все зависит от человека».)

– Надюша, заканчивая наш разговор «втроем», передай Агнессе Петровне, пусть отпустит тебя пораньше. Мне она не откажет.

...Мы направились в ресторан. Я выбрал ВДНХ. Там есть одно тихое, особенно в это время года и дня, место. За прудами, возле павильона «Рыболовство».

В ресторане было тепло, но неуютно. За стеклянной стеной холодно поблескивала вода, окруженная темной, тяжелой зеленью, и напоминала о сырости и пустоте осенней непогоды.

– Игорь, ты мне сегодня не нравишься, – сказала Надя.

– Не могу разделить твоего искреннего веселья по случаю моего отъезда, – мрачно сказал я.

– Думай лучше о том, как мы снова встретимся. Давай придем опять сюда. Приятное заведение...

Я криво улыбнулся:

– Оно, наверное, будет закрыто на зиму...

– Это можно спросить у официанта.

– Надя, – сказал я, твердо и решительно посмотрев ей в глаза. – Пока меня не будет, раздайся со всеми своими старыми проблемами.

– Игорь, милый, ну почему ты любишь все усложнять?

– Вот те на, – протянул я. – Наоборот, я хочу добиться ясности и простоты...

– Неужели так трудно понять простую истину, что все сложно?

– Это чье изречение?

– Не помню. Кого-то из наших современников, кажется. И не волнуйся. Поверь, у нас все хорошо...

Ничего себе хорошо! В ее семейном положении какая-то путаница, а ей все нипочем. С мужем она не развелась, хотя фактически они не живут. Он – штурман на пассажирских международных авиалиниях. Когда-то по уши влюбился в молоденькую, красивую манекенщицу. Видимо, с годами первая страсть улеглась, и он завел интрижку со стюардессой. Что у них там в действительности произошло, я не знаю в подробностях. Надя особенно не распространялась на этот счет. Во всяком случае, она от него ушла. С сыном. Десятилетним Кешкой, которого я еще не видел ни разу.

Кешка. В нем, кажется, и было все дело. Из-за него муж Нади не дает развода. И каждый раз, когда я завожу об этом разговор, Надя старается от него уйти.

– А что думает по этому поводу Агнесса Петровна? – спросил я. – Мне кажется, ее симпатии ко мне сильнее, чем у некоторых...

– В принципе она считает, что ты отличная партия, – улыбнулась Надя. – Только удивляется, почему у тебя кооперативная квартира. Могли, говорит, дать и государственную.

– Много нас таких...

– Как это много? – искренне удивилась Надя.

– Ну, следователей...

– Но ты же по ОСОБО важным делам!

– Мне кажется, все дела важные. Дела – это люди. А люди все равны.

– Но есть же громкие, нашумевшие преступления. Не обо всех же пишут в газетах.

– Это ничего не значит. Для каждого человека его несчастье – самое важное. Сопляк какой-нибудь совершил преступление. Так для его матери положение сына важнее всех несчастий на свете. Землетрясения в Южной Америке, катастрофа на железной дороге, да мало ли случается всякого на земле... Она ни о чем и ни о ком не думает в этот момент, кроме сына... Понимаешь, все относительно.

– Постой. – Надя все еще не могла мне поверить. – Есть еще, значит, такие, как ты?

Я от души рассмеялся:

– Нет, Надюша, ты меня время от времени просто убиваешь. Конечно! У нас в прокуратуре больше десятка. В Прокуратуре Союза. Да еще в прокуратурах всех республик. И знаешь, как нас называют? Важняк... Ты разочарована?

– Наоборот. Это хорошо... Ты меня даже успокоил. – Она посмотрела на меня, как мне показалось, виновато. – Вокруг столько молоденьких...

– Не говори глупости, – сказал я строго. Но ее ревность была приятна мне.

Слабость у Нади прошла быстро. Она как-то встряхнулась. Две складочки, появившиеся на мгновение около губ, исчезли.

– Конечно, глупости.

Чтобы окончательно ее успокоить, я весело продекламировал:

– «Для девчонок в юбчонках есть в клешах парнишки с гитарами под мышкой...»

– А ты говоришь, что нам с тобой плохо... Да, кстати. Когда ты наконец познакомишься с Кешкой?

– Именно, кстати. Разговор самый подходящий перед моим отъездом...

– Ты же не навсегда.

– Нет, конечно. Я просто удивляюсь: сколько времени мы знакомы, а ты предлагаешь встретиться с Кешкой сейчас, когда я улетаю.

– Не сердись. А мой сын – интересное создание. Свои мысли, свой мир. Представляешь, главная забота сейчас достать небольшого удава...

Я и раньше слышал, что Кешка увлекается животными. Жил у них сиамский кот Ерофеич, попугай Ахмед, ежик Пиф и еще какая-то живность. Но удав!

– И ты согласишься жить в квартире с удавом?

– Привыкнуть можно, – сказала Надя. – Если мальчику это нравится. Просто необходимо, понимаешь...

Я промолчал. Да, ради сына она готова на что угодно. Выходит, мне тоже придется привыкать к удаву?... Ну что ж, Надя этого стоила.

Глава 4

Сибирь для меня – понятие совершенно определенное.

Тайга, холода. Соответственно я и подобрал гардероб. Пальто, теплые перчатки. Барнаул уготовил мне первый сюрприз прямо в аэропорту. Многие ходили в костюмах.

Второй сюрприз преподнес... родной русский язык.

В гостинице меня ждала бронь. Я заполнил карточку.

– Кочка у вас будет у окна, – сказала дежурная. – Но сейчас еще тепло, не дует...

– Спасибо, – машинально поблагодарил я.

– И соседи порядочные... Агроном, врач, правда ветеринарный...

– Позвольте, мне должны были заказать номер.

– Я получила распоряжение от директора. Вот, читайте – «койко-место».

– Не койко-место, а место.

– Вот именно, место. А не номер.

У меня перед глазами всплыла телеграмма в прокуратуру края, которую я сам составлял: «Забронируйте место гостинице...»

Я оказался в дурацком положении. Сегодня воскресенье (новосибирский аэропорт держал нас двое суток из-за непогоды). Звонить местному начальству домой – неудобно. Испортишь первое впечатление. Подумают, столичный, раскапризничался... Бог с ним, перебыюсь.

– Вы забыли тут расписаться, – вернула мне бланк администратор.

– Где?

– Вот здесь. Что освободите место по первому требованию.

– Ну, милая, вы плохо знаете законы, – разозлился я. – Выселять человека из гостиницы можно только с санкции прокурора.

– А может, еще министра? – повысила она голос. – Откуда вы это выдумали?

– Учил в институте... Кстати, об этом и по телевизору передача была.

– Мало ли что там показывают...

Довод, в общем-то, неопровержимый: показывают много.

– Могу привести соответствующую статью Гражданского кодекса... – Я постарался вложить в эту фразу как можно больше металла.

Но мой железный аргумент был сметен одним ударом.

Она отобрала заполненный листок:

– Тогда ждите до вечера... На общих основаниях.

Я поставил свою подпись под актом полной и безоговорочной капитуляции.

Но она нанесла мне еще один удар:

– У вас оружие есть?

– Нет. А что?

– Мало ли... Следователь все-таки. Смотрите, в номере держать его нельзя.

– А если бы было? – усмехнулся я. – Куда его денешь?

– Это не наше дело. Вы напираете на законы. Пожалуйста. – Она достала из ящика свои инструкции. – Мы тоже грамотные... – И ткнула пальцем в то место, где действительно указывалось, что в номере находиться с оружием нельзя.

Я ничего не мог сказать. Хотя и вертелся на языке вопрос: как, например, обходятся работники милиции, военнослужащие, обязанные иметь при себе пистолет? Не сдашь же его в камеру хранения?

Но этот вопрос надо было задавать не ей, маленькому исполнителю, а тем, кто составил инструкцию.

Я подумал, что есть еще требования, выполнять которые практически невозможно.

Дежурная по этажу проводила меня в номер, и я свалился в постель, чтобы наверстать две ночи полусна в аэропорту. Наутро, в понедельник, я отправился в прокуратуру.

Первый визит, разумеется, – к прокурору края.

Он справился, когда я прибыл, как отдохнул. О недоразумении в гостинице я умолчал – в конце концов, только одна ночь. Вряд ли я задержусь в Барнауле.

– Крылатовское дело знаю в общих чертах, – сказал прокурор. – За всем не уследишь. Вам надо поговорить с замначальника следственного отдела Кукуевым. Он в курсе. А с человеком, хорошо знающим дело, увы, не встретитесь.

– Со следователем?

– С ним. Уволился. Поступил в аспирантуру.

Прокурор вызвал замначальника следственного отдела и представил меня. Мы отправились в его кабинет.

– Что это вы решили вернуться к самоубийству Залесской? – спросил Кукуев.

– Поступил сигнал. – Я рассказал о письме Мурзина.

– Если по каждому письму поднимать дела, никаких штатов не хватит, – покачал головой замначальника отдела и, спохватившись, добавил: – Впрочем, вам, наверно, виднее. Можете, наверно, позволить себе тратить время на одно дело. А у наших следователей в производстве по пять – десять одновременно...

– Знаю, – кивнул я, – работал в прокуратуре области.

– Значит, бывали в нашей шкуре?

– Семь лет...

В его словах послышались доверительные нотки:

– Свой, выходит... Это хорошо. Должен понять. Скажем прямо, дело-то расследовано добросовестно. Парень теоретически подкован. Плохого, наверно, в аспирантуру не приняли бы, да еще в Ленинградский университет. Так я говорю или нет?

Я пожал плечами.

– Аспирантура, она требует... – Он постучал пальцем по лбу.

– Требуется, – согласился я.

– Вот именно. – Он посмотрел на меня долгим взглядом, вздохнул. Как бы согласился: хочешь не хочешь, от тебя, видимо, не отвертеться.

Я его понял. И предложил мировую:

– Возможно, понадобится ваша помощь.

– Группу создавать не будем, – сказал он твердо. – Людей нет.

– И в управлении внутренних дел?

– Это – ради бога. – Кукуев взялся за телефон.

– Одна только просьба. Кого-нибудь из тех, кто уже принимал участие в следствии...

Все-таки в курсе дела.

Он кивнул:

– Ладно, организуем. Старший лейтенант Ищенко.

Двадцать лет в угрозыске. Хороший работник. Пойдет?

Я прикинул в голове – лет сорок – сорок пять. Опытный, наверно. Во всяком случае, учить не придется.

– Пойдет. Из местных?

– Нет. Но вы на это не смотрите. Край знает как свои пять пальцев...

Наверно, рыболов или охотник, подумал я. Обычно именно они хорошо знают местность.

В УВД края ответили, что Ищенко в командировке.

– С чего думаете начать? – спросил замначальника следственного отдела.

– Поеду в совхоз.

– Правильно, – одобрил он, – езжайте. Работайте. Может, и мы у вас кое-чему поучимся. – В его последних словах промелькнула едва уловимая ирония. – А Ищенко догонит. Это мы обеспечим, – закончил он.

Уладив в Барнауле еще несколько дел, я вылетел в тот же день в Североозерск.

Кукуев сам проводил меня в аэропорт. Пожелал успеха. На этот раз без иронии. Хотя положение его, прямо скажем, было щекотливое. Дело согласился прекратить именно он. И если мое расследование опровергнет результаты предыдущего, неприятностей не оберешься.

Правда, наперед не угадаешь. Я тоже могу не найти ничего нового. Могу и ошибиться. Все мы люди, как говорится...

Человек, который придумал изречение «любое тайное станет явным», вряд ли имел отношение к следовательской работе. А если и имел, то был зарвавшийся оптимист или просто-напросто хвастун. Надо знать, как дорого дается каждый процент раскрываемости. Есть, остаются еще за скобками благополучных цифр неумолимые единицы... Папки, которые лежат в архиве с грифом: «Хранить до...»

Это значит, что кто-то из моих коллег потерпел неудачу. Преступник оказался хитрее, или ему здорово помогли обстоятельства...

Конечно, когда я летел в Североозерск на тихоходном Ан-2, у меня и в мыслях не было, так сказать, программировать на всякий случай возможную неудачу.

Собственно, я себе еще и не представлял людей, с которыми столкнусь во время расследования. Ведь через них, их поступки, поведение ищешь истину.

Но одно я чувствовал. И это не мистика и не шестое чувство. Я даже не знаю что. У меня пропадала уверенность в том, что следователь, занимавшийся раньше делом о самоубийстве в Крылатом, поставил все точки над *i*. Мне вспомнился совет Ивана Васильевича: вести дело так, словно не было до меня никакого расследования. Но я и в самом деле не забывал о том, что оно было.

Выходило, что Залесская покончила с собой в результате угрызений совести или боязни разоблачения в измене.

Не бог весть какая редкая причина. Вину во всем она брала на себя.

Но может быть, ее довели до самоубийства? Тогда это преступление. Тяжкое и сурово наказуемое. В принципе следователь шел по правильному пути. Он расследовал именно эту линию. Но, внимательно изучив все материалы, я чувствовал, что мой предшественник, возможно неосознанно, доказывал версию, изложенную в предсмертном письме самой Залесской.

Мне самому случалось встречаться с подобными случаями: с первых шагов факты до того завораживают, что отделаться от их убедительности или непреложности стоит огромного труда. Помимо этого, увы, кое-где проступали следы спешки. Пусть едва-едва заметно. Я их видел...

Еще. Очевидцев происшествия не было. В таком случае проверка версии убийства, по моему, обязательна. Как бы невероятно это ни выглядело... Любое невероятное может оказаться вполне вероятным, что нередко случается в нашей профессии, берущей начало чуть ли не в Древнем Риме...

Еще Цицерон заявлял: «Даже честные граждане, не смущаясь, прибегают к подлогу».

Опять же – письмо директора совхоза Мурзина. Уверен, забот и хлопот у него, как говорится, полон рот. И если этот занятой человек, депутат Верховного совета республики, берет на себя смелость и, что очень важно, ответственность обращаться к прокурору Российской Федерации с просьбой пересмотреть прекращенное дело, тут уж действительно есть о чем задуматься.

И пишет он не только от своего имени. Видимо, общественность совхоза тоже хочет разобраться в этой трагической истории.

Ехать в совхоз с таким настроением, чтобы, подобно Цезарю, воскликнуть «пришел, увидел, победил», я не имел никаких оснований. В конце концов, если я докажу, что мой предшественник прав, моя миссия будет выполнена.

Но так, чтобы никто не мог задать такого вопроса, на который я бы не ответил...

Глава 5

Самолет опустился на зеленое поле. Аэропорт Североозерска – изба. Рядом – традиционная полосатая колбаса.

Меня встретил милицейский газик. Часа полтора хорошей гонки по не совсем хорошей грунтовой дороге. Мимо бесконечных полей, разделенных ровными квадратами лесозащитных полос.

В Крылатое добираемся в сумерки.

Большое село посреди степи, продуваемое со всех сторон. Домики из кирпича. Кое-где деревянные, финские. Утопают в садах. Главная улица хорошо освещена. Как везде – центральная площадь, обрамленная двухэтажными домами.

Одинокий пес поднялся с крыльца конторы совхоза, вяло шевеля хвостом.

Прощаюсь с водителем, чтобы попасть под опеку участкового инспектора.

Евгений Линеv – молодой парень, с умным, внимательным лицом. Совершенно непохожим на те, которые канонизированы в фильмах.

Участковый проводил меня в дом для приезжих. Пристройка к зданию конторы. Сторож, Савелий Фомич, сам открыл чистенькую, теплую комнату с двумя койками.

– Вы будете жить один, товарищ следователь, – поспешил заверить Линеv.

– Верно, – подтвердил сторож. – Вон там у нас санузел, умывальник. Рядом – кухня. Газу, правда, в баллонах нету. Никак не сменяют...

– Ничего, обойдусь. Столовая есть?

– А как же! – ответил Савелий Фомич.

– Но сейчас поздно, закрыто. – Линеv посмотрел на ручные часы.

– Это точно, – сказал сторож. – Деревня. С курицами спать ложатся. А чаек у меня готов. На плиточке. С устатку не мешает, а?

– Не мешает, – сказал я. – Спасибо.

Участковый инспектор спросил:

– Я вам нужен, товарищ следователь?

– На сегодня нет. Благодарю за хлопоты...

Он пожал плечами:

– Какие там хлопоты. Служба. – И, откозыряв, ушел.

– К молодой жене. Секретарша директора, – подмигнул сторож. – Две недели, как свадьбу сыграли... За-ради нее и напросился сюда из района.

– А прежний?

– Тю-тю. Подался далече... Перевели.

«Жаль, – подумал я. – Одним помощником, знающим село и его обитателей, меньше...»

Сторож, прежде чем сходить за чаем, почесал затылок.

– Не знаю, понравится ли вам моя заварка... С мятой. По-стариковски. Для суставов полезно.

– Понравится. Моя мать тоже любила заваривать с мятой.

– Могу и чистого. Индийский у меня.

– Давайте с мятой.

Савелий Фомич принес маленький чайничек с запаянным носиком. Поставил на стол.

– Стаканы в тумбочке. – Он собрался деликатно ретироваться.

– Присаживайтесь. Вдвоем веселее.

Он подумал, потоптался. Подсел к столу.

Я нарезал краковской колбасы (что делали бы без нее командированные?).

Старик от угощения отказался. Прихлебывал из стакана, макая в чай кусочек рафинада.

Говорить о деле я с ним не собирался. Но старику не терпелось выложить московскому следователю свои соображения.

– Да, – вздохнул сторож, – в старое время девки от любви на себя руки накладывали. Если парень на другую заглядывался. Теперь проще на все смотрят. Телевизор с толку сбивает. Что ни картина, обязательно самый главный герой в другую влюбляется. А жена, значаща, ему не хороша. Или наоборот, бабе мужик ее не в милость. Так, ежели распускать, каждый куролесить захочет. Мало ли что, пригожих парней да девок вона сколько ходит. Недаром говорят: в чужую бабу черт меду положил. Но соблюдать себя надо. Грех – он всегда боком выйдет...

– Вы же сами говорили, что теперь проще.

– Кому проще, а кому... Конечно, если говорить о воспитательнице, не все у нее, наверное, тут было благополучно. – Он повертел пальцем у виска. – Кто же в наше время себя до этого доводит? Совесть подешевела...

– Не угодило вам нынешнее поколение, – улыбнулся я. – Ох, не угодило.

– Мне-то что. Я свое пожил. Пусть сами разбираются. Нас все равно никто не слушает.

– А вы?

– Слушали. Попробуй я отцу слово поперек сказать. Снимет штаны и за милую душу поддаст горячих. Уважение было. Дети родителей почитали. Жены – мужьев. Батка мать мою не бил, но зато его слово – закон. С малолетства приучена.

– Тоже не сладко. Горькая женская доля, – подзадорил я старика. – Рабство семейное, рабство общественное...

– Ишь, словечки понасочиняли, – усмехнулся он. – Да вы-то почему знаете? Думаете, бабы только хрючили? И веселиться не смели? Еще как! На Масленицу, на Иванов день, на Троицу какие гулянки заводили! Работали, верно, работали до семи потов. С зари до зари. Но уж если гуляли – на всю железку. И пели и плясали... А нынче...

Вона, посмотрелся в клубе. Подпрыгуются друг подле дружки и айда по домам. Какие раньше пляски были! Обчие и поодиночке. Русская, камаринская. А кадрили! Хе-хе. Одно загляденье. Не только для девок. И замужние от души веселились. И не так заглядывались на сторону, как нынче. Всяк свое гнездо берег. А тем более от такого парня, как завклубом...

(Муж Залесской работал в Крылатом завклубом.)

– Интересный?

– Симпатичный. Артистом прозвали. Галстук такой надевал... Ну, махонький, поперек торчит...

– Бабочка?

– А шут его знает. В общем, культурный, обходительный. Девки по углам шептались, вздыхали все... И что ей еще надо было, не понимаю...

– Может, ей было плохо оттого, что другие вздыхали?

– Он – мужик. Ничего здесь особенного нету. Тем паче парней у нас не хватает. Главное, он на эти охи-вздохи не обращал внимания.

– Не достаивал?

– Говорят, шуры-амуры не крутил.

– А она внешне как?

– Что теперича толковать? Нету человека... Приятная была. Вежливая. Городская, одним словом. Жалко...

Я невольно посмотрел на часы. Дед пожелал доброго сна. И ушел в свой закуток, в помещение совхозной конторы. Я остался один на один с тишиной.

Утром меня разбудил директор совхоза. Было рано. А в Москве сейчас – глубокая ночь.

Он вошел прихрамывая. Крупное, почти квадратное тело, большая голова, бритая наголо, густые черные брови и такие же усы. Пиджак слегка помят на спине, наверное от постоянного сидения на стуле и в машине. Брюки галифе заправлены в хромовые сапоги.

– Мурзин, Емельян Захарович, – представился он. – Прошу извинить. Забежал пораньше, а то если понадобится, не поймаете, в поле закачусь. Поверите, сплю три-четыре часа в сутки. Уборочная...

Я стоял посреди комнаты в трусах и майке и со сна не мог сообразить, что мне надевать в первую очередь.

– Ничего, я понимаю... – пробормотал я, берясь то за рубашку, то за брюки, то за пиджак.

– Так вы ко мне сейчас зайдете?

– Да-да, конечно.

...Несмотря на ранний час, в конторе было много народу, хлопали двери, стучала пишущая машинка, кто-то громко требовал по телефону ветеринарную лечебницу. В кабинете Мурзина прохладно и чисто. Погода осенняя, но все окна настежь. На столе – алый вымпел «За первое место в соревнованиях по футболу Североозерского района Алтайского края».

– Устроились ничего? – спросил он, когда я сел.

– Нормально.

– Правда, у нас не такой комфорт, как в городе... Но думаю, наверстаем. Ванную соорудим, телевизор поставим. Хорошо, правда?

– Правда, – кивнул я.

– Значит, с жильем в порядке?

– Да, конечно.

– Ну, тогда приступим к делу.

– Я слушаю.

– Вы скажите, что вас интересует. Постараюсь ответить.

– Прежде всего: у вас должны быть основания, если вы написали письмо в прокуратуру... Какие?

Он хмыкнул, провел пятерней по гладкой голове – от затылка ко лбу и обратно.

– Трудный вопрос вы задали. Так сразу и не ответишь.

– Вас не удовлетворили результаты проведенного следствия?

Мурзин покачал головой:

– С одной стороны, сомневаться в вашей работе я как бы не имею права. Вы свое, я свое. Но если подумать, конь о четырех ногах и то спотыкается. Верно я говорю?

– Все мы люди, – развел я руками.

– Вот именно. Я тоже человек. Но и руководитель. Депутат к тому же. Ходят слухи в совхозе, что нечисто тут дело. Болтают даже, будто следователя подкупили... Который месяц пошел со дня смерти Залесской, а все успокоиться не могут. Судачить людям я запретить не могу, верно я говорю?

Я кивнул.

– Ну, я скажу, что это все сплошная чепуха, выдумка, парторг скажет, Иванов, Петров, Сидоров. Так ведь не поверят. Надо им убедительно доказать, на фактах: воспитательница действительно покончила с собой или нет. И если да, то почему. Мало ли бывает ошибок. Одна комиссия приедет – вроде гладко, другая приедет – все наоборот, сплошные непорядки. Верно я говорю?

Я опять кивнул.

– И еще. Руководитель совхоза кто? Я. А может быть, что-то проглядел, упустил? Может быть, человеку худо было, а мы прошли мимо, вовремя не поддержали. Видите, сколько аспектов в этом вопросе?

– Ну что ж, я вас понимаю...

– Погодите. Ну, несознательный элемент – это одно. Им, может, объясняешь, объясняешь, и все попусту. Вбили в голову. Но когда к вам приходят сознательные люди, коммунисты,

комсомольцы, и говорят: не верим, что Залесская могла пойти на самоубийство. Я им должен ответить что-то конкретное. Верно я говорю?

– Вы можете сказать, кто именно приходил?

– Конечно. Заведующая детским садом, кандидат в члены КПСС – раз. – Он загнул палец. – Воспитательница того же детсада Завражная – два. Комсомолка. Между прочим, ближайшая подруга Залесской. Мамаши приходят, чьи дети воспитывались у Залесской. Да-да, приходят. Среди них хорошие, честные работницы. Это не какие-нибудь бабки с завалинок. Я одной говорю, что органы следствия свою работу знают, не доверять им мы не имеем права. Другой...

В дверь заглянула секретарша. Ей-богу, прямо девчонка из седьмого-восьмого класса. Вот ради кого Женя Линеv осел в совхозе. Да и сам участковый выглядел очень молодо.

– Емельян Захарыч, район, – виновато произнесла она.

Мурзин сказал мне «извините» и схватил трубку одного из трех телефонов.

– Да, слушаю. Какое утро? Я уже скоро обедать собираюсь. Это вы там только что встали... Идет нормально. Надо справиться у Ильина. Он даст самый точный процент – до сотых включительно. – Мурзин некоторое время поддакивал в трубку, изредка поглаживая бритую макушку. Про себя я уже назвал его Котовским. – А нельзя без меня? Если вам все равно, пошлю Ильина. Будь здоров.

Он с треском опустил трубку и стал вертеть диск другого аппарата.

– Объясняю... Кто это? – спросил он по телефону. – Николай Гордеевич у вас не объявлялся? Куда уехал?

Директор нажал на рычаг и снова стал набирать номер.

– Выходит, надо заново все поднять. Чтобы люди наконец успокоились. Верно я говорю?

Он махнул рукой: сейчас, мол, продолжим...

– Николай Гордеевич, насилию тебя разыскал. Ты уж не в службу, а в дружбу, надо быть в районе к часу у второго секретаря. Я бы мог, да ты им выложишь все как на тарелочке. Не забудь про транспорт. Рогожин, анафема, опять будет клясться, что выслал двенадцать, а прибыли восемь. Сам проверял сегодня. И один шофер пьян в стельку. Кто его знает, со вчерашнего или уже с утра успел приложиться? Это подчеркни особо. Уже третий случай. Шенкелей этому Рогожину, шенкелей. Я заеду, не беспокойся.

Он закончил телефонный разговор.

– Вы спросите почему? Много я видел. И войну прошел. Как бы худо ни было, а человек стремится прежде всего жить. Невмоготу, кажется, уж лучше сдохнуть, чем такая жизнь, а все-таки помирать не хочется. А тут... Или я чего-то не понимаю, или ненормальность какая-то. Да ведь с виду нормальная, жизнерадостная. Погубил себя выходит, человек, похоронили, а виновных нет, верно я говорю?

– Что я могу вам сказать, Емельян Захарович?.. – Пока директор совхоза разыскивал этого неуловимого Ильина, у меня потерялась нить беседы. – В настоящее время я знаю не больше, чем следователь, который вел расследование до меня. От вас слышу только общие рассуждения, хотя они мне понятны. По-человечески, по-граждански...

– А что? Вы хотите, чтобы я указал виновного? Я его не знаю. Может, я виноват. Обидел чем-то ее. Не создал условия. Может, Иванов, Петров, Сидоров...

– Залесская обращалась к вам с какой-нибудь просьбой?

– С просьбой – нет. А когда ее выбрали в группу народного контроля, пришла. Говорит, не справится, мол. Я ей говорю: справишься, актив поможет. А кто ее знает, может, она кого обидела или ее... Верно я говорю?

– Постойте, она раскрыла какое-нибудь крупное хищение или злоупотребление?

– Что значит – крупное? За это тянут к вам. Так, мелкие недостатки.

– И все-таки подробнее, пожалуйста.

– Я уж и не припомню всего.

– Выходит, у нее были враги?

– Не знаю. В этом как раз и следует разобраться...

В дверях появился заспанный, растрепанный человек.

– Звали, Емельян Захарыч?

– Звал, Еремеев, звал. – Мурзин поморщился. – Причесался бы для порядку. Стыдно...

– Ладно уж, мои вороные-пристяжные не обидятся...

– Перед людьми стыдно. Вот что, если опять из Лесковского пруда будешь воду возить, поставлю навоз чистить!

– Так эвон какого кругалю давать...

– Надо будет, так и за двадцать верст ездить будешь!

Это тебе не свиньи, а люди! Верно я говорю?

Мужчина провел рукой по взлохмаченной голове и медленно вышел из кабинета.

– Вот так работаем, – покачал головой директор совхоза. – Пока сам носом не ткнешь, не слушаются... Ну, какие еще у вас вопросы? Давайте уж все выяснять.

Я улыбнулся:

– Ну, сразу так, наверное, не получится.

– Ясное дело.

– Залесская упоминала в предсмертном письме о своей связи с кем-то. Может быть, это был кто-то из работников совхоза. У вас нет никаких предположений?

Мурзин посуровел:

– Хотел я и об этом. Прокурору не писал. Не по назначению, если так можно выразиться. Но вам сказать считаю нужным... Не везет нам с главными агрономами. Один не поладил с районным начальством. Уехал. Другой, Пашенко, покрутился немного, посчитал, условия для него не те. Перспективы, мол, нет. И был таков. О нем я не жалею, рад, что избавился. Ни богу свечка, ни черту кочерга. Наконец, приехал Ильин. Николай Гордеевич. Не жалею, работник хороший. Боюсь, и его выживут. Плюнет на все, уедет, тогда что?

– Почему?

– Болтают, что Залесская имела в виду именно его.

– Предположим, вдруг действительно он?

Мурзин ответил резко и категорически:

– Не верю!

– Тогда что ему бояться?

– Сплетни могут кого угодно довести. Верно я говорю? Зачем человеку ронять авторитет?

– Возможно. Я Ильина не знаю... А он давно у вас работает?

– Сейчас скажу. С марта. С ним посевную провели. Не знаю, что там другие, а я ему верю.

– Если не Ильин, как вы говорите, то значит – другой. У вас подозрений нет?

– Не-не-не. Тут помимо наших приезжие бывают, не уследишь. Летом студенты помогали строить. Из Томска.

Коровник поставили. Не видели? Покажу. Чудо будет. Студенты – народ молодой, горячий. Еще – механизаторы из других мест. Рабочих рук не хватает...

– Значит, местных, своих, вы исключаете?

– Об этом я не говорю. Но если бы наш, пошли бы разговоры. Все знают друг друга...

– Вы же не доверяете сплетням...

Емельян Захарович усмехнулся:

– И то верно. Действительно. На чужой роток не накинешь платок. Короче, не знаю. Напраслину возводить не буду.

В конце нашей беседы Емельян Захарович поинтересовался:

– Вы где думаете свою резиденцию организовать? Понадобится небось помещение, чтоб с людьми говорить?

– Скорее всего, в комнате милиции... – неопределенно сказал я.

– Зачем вам там тесниться? Могу предложить рядом, через две двери, кабинет главного зоотехника. Пустует.

– Так сказать, зоотехник устроился поближе к производству...

– Кадры – больной вопрос. – Он вдруг улыбнулся: – Как следователь, помогите подыскать специалиста.

– Кого я обычно ищу, вам не подойдет...

– Да, работа у вас не из веселых...

Мурзин стал поглядывать на часы.

– За один раз нельзя объять необъятное, – поднялся я. – Надеюсь, у нас еще будет время встретиться.

– У вас-то да. У меня оно на вес золота. Для меня самые подходящие часы или утром, часиков в пять, или вечером, где-то около двенадцати.

– Ночью?

– Мне ночью удобнее. Сами видели, все время отрывают. А нужна тихая, спокойная обстановка. Верно я говорю?

– Ладно, значит, еще встретимся, – сказал я. – Кстати, оформим нашу беседу.

– Как вам нужно. Я от своих слов не отказываюсь... Только, ради Христа, не сейчас. Спешу.

Емельян Захарович распорядился, чтобы мне открыли кабинет главного зоотехника. Секретарша директора вытерла пыль. Принесла горшок с цветами.

– Вечером, после работы, придет уборщица и вымоет все основательно.

На небольшом письменном столе под стеклом – прошлогодний календарь. Со стены улыбается румяная девушка в белом халате и косынке. Из-под ее полной руки сердито смотрит бурая корова. «Соблюдай чистоту на рабочем месте!» – призывает плакат.

Но рассиживаться я не намеревался. Такое уж у меня правило: поначалу исходить все своими ногами, пощупать своими руками, увидеть своими глазами.

И, прихватив в качестве понятого Савелия Фомича, который с охотой взялся за это, отправился осмотреть место происшествия.

С закрытыми ставнями, с потеками по углам, дом производил впечатление заброшенности и беспризорности.

– Пустует? – спросил я у Савелия Фомича.

– Не идут. Суеверный народ, – покачал он головой.

– Богато живете...

– И домишко жидковат. Сборнощелевой... Так прозвали их. Щитовой, значит. Поставили с десяток, когда совхоз создавали. Конечно, сразу с жильем туго было. Тут уж не глядели. Теперь обстраиваемся солидно.

– Нам бы еще одного понятого. Такой порядок.

Я огляделся. Улица была пуста. Только по разбитой дороге ехал грузовик. Я уже хотел остановить, чтобы попросить шофера быть понятым. Но вспомнил: уборка. И опустил руку. Савелий Фомич заметил мой жест. И сказал:

– Пенсионерка напротив проживает. Наверняка дома...

Пенсионерка, оказывается, уже с большим вниманием наблюдала за нами из своего окна. Быть понятой согласилась не сразу. Савелию Фомичу пришлось пустить в ход все свое красноречие. Особенно он напирал на то, что я – «следователь московский».

– А в Москву меня не потащут? – с опаской спросила старушка. – Вон мою сноху в Барнаул вызывали.

– Нет, бабушка, не вызовем, – успокоил я ее. – И вообще никуда ехать не придется.

– Ну, тогда еще можно. Поездов я боюсь, – призналась она. – Да и внучат не на кого оставить.

Я обошел дом. Понятые двигались сзади, соблюдая дистанцию в два-три шага.

Участок зарос репейником, дикими цветами. Они издавали острый, пряный аромат.

Желтые зонтики напомнили мне мой дом. Мать приносила целые охапки цветов, которые якобы отпугивали тараканов, мух и прочих насекомых. Разложенные под шкафом, кроватями, по углам комнаты, зонтики сохли, рассыпались в порошок. Их выметали, заменяли свежими. Потом я где-то вычитал, что растение это называется еще пижмой.

Прусаки не хотели признавать ее зловредного запаха и невозмутимо бегали по полу, не боясь ни света, ни людей. Повод для отца лишний раз подтрунить над матерью...

Когда мы подошли к крыльцу, мой взгляд выхватил среди травы, прокравшейся к самому фундаменту, несколько ярко-красных цветов. Нагнувшись, я разглядел кустик гвоздики, отчаянно боровшийся с повиликой. Если цветок не выручить, на следующий год его обязательно забьет сорняк.

– Покойница посадила, – вздохнула старушка. И я понял, что речь идет об Ане Залесской.

– Теперь внутри? – нетерпеливо спросил сторож.

– Нешто в доме темно... – неуверенно сказала старушка.

Я отворил ставни, едва державшиеся на петлях. В дом вошел последним.

Маленькая прихожая заканчивалась кухонькой. Две комнаты. Первая – побольше. Совершенно пустая.

Залесскую нашли во второй, служившей, видимо, спальней. Я ее знал по фотографиям в деле. Здесь стояла одна только голая кровать. Допотопное сооружение со спинками, выкрашенными под дуб, со звонкой панцирной сеткой. Рядом со спинкой, у стены, находилась тумбочка. На ней обычно лежала бритва, которой Залесский, по его показаниям, поправлял виски.

Окно из спальни выходило на задний двор.

Везде – тонкий слой пыли.

Я осмотрел то место возле кровати, где была обнаружена Залеская.

Понятая негромко кашлянула:

– Крови не найдете, товарищ следователь. Я сама мыла на другой день, как Анну увезли...

– Да? – машинально сказал я, подымаясь.

– Все сама. Валерий Георгиевич попросил по-свойски, по-соседски. Я и простынку стирала, и наволочку...

– Еще что? – Я осекся: сейчас она только понятая.

– Пододеяльник...

– Хорошо, – остановил я ее.

Окна изнутри запирались не на шпингалеты, а на крючки. Широкие форточки.

В деле, которое я знаю почти наизусть, моим предшественником записано, что окна были закрыты, форточки – открыты. Лето...

В кухонном закутке имелся небольшой встроенный шкафчик без полок. В нем – запыленные бутылки. Иностранные, в магазине не принимают. Старая соломенная шляпа.

– Валерий иногда надевал, когда возился на участке, – прокомментировала старушка.

Еще имелось несколько истрепанных газет и журналов. «Сельская молодежь» полугодовой давности, «Иностранная литература», «Новый мир». Я перелистал их. Из «Нового мира» выпала школьная тетрадка. Вернее, то, что от нее осталось – обложка и двойной листок. Не та ли, из которой Залеская вырвала бумагу для последнего письма? А может быть, и другая.

Да, разжиться следователю, прямо скажем, нечем. Тетрадку я на всякий случай забрал.

Замок входной двери – обычный, врезной. Он закрывался с трудом. Савелию Фомичу пришлось попытаться над ним.

– Что значит заброшенная вещь, – вздохнул он. – Без руки хозяйской и железо чахнет.

Было непонятно, к чему это относилось: к безалаберности бывшего владельца, Залесского, или к заброшенности дома.

И все-таки в протокол осмотра места происшествия эту деталь я вставил. Теперь надо фиксировать каждую мелочь. Пригодится она или нет, никогда не угадаешь.

Глава 6

Покинув пустой, прямо скажем, мрачноватый домик, я отправился в детский сад.

Директор совхоза назвал имя Марии Завражной. Ближайшей подруги Залесской.

Ее показаний в деле не было. Все-таки странно вел дело следователь. Как можно было обойти такого человека? Наверняка ведь он знал об их отношениях с умершей...

Я зашел к заведующей детсадом, представился. И пока она ходила звать Завражную и улаживала вопрос, с кем на некоторое время оставить ее малышей, я быстренько прикидывал в голове план предстоящего разговора. Для меня знание собеседника, пусть даже мало-мальски пригодного для выяснения фактов и обстоятельств, – дело первостепенной важности. Нет двух людей, которые бы совершенно идентично зафиксировали все детали одного и того же происшествия. Если даже они были непосредственными очевидцами события. Все зависит от психологии, человеческой фантазии и личной установки.

Мать моя любила приговаривать: всякая побаска хороша с прикраской. И вот эта самая прикраска присутствует везде непременно, хотим мы этого или нет. Это и настроение, и отношение к тому, о чем говоришь, и какие-то ассоциации, воспоминания, а то и просто – неправда.

Самое удивительное, что искренние, правдивые люди бывают иной раз для меня труднее и мучительнее тех, кто врет и путает заведомо. Раз показавшееся может представиться им истиной. Они на ней настаивают. И как прорваться, как отшелушить дорогую «прикраску», если она – как бы образ события?

У того, кто хочет скрыть истину, все придумано. И эта ложь в ходе и соприкосновении с фактами и уликами обязательно терпит поражение. Но ложность показаний, как бы они ни были продуманы и пригнаны преступником, входит в противоречие с реальными фактами, которые произошли в жизни...

Мария Завражная вошла несмело. Пристроилась на краешке стула. Молодая. Не больше двадцати. Красива по-деревенски. Крупные и в то же время мягкие черты лица.

Челочка закрывала левый глаз, и девушка непрестанно ее поправляла. Почти все время ее рука, широкая, с нежными пальцами, была у лица.

– Машенька, – я невольно употребил ласкательное имя, – вы не волнуйтесь. Посидим, поговорим спокойно...

– Да, да, поговорим. А я не беспокоюсь.

– Вот и отлично. Как там без вас, детишки не набедокурят?

– Нет, они славные. Заведующая пока с ними.

– Трудно с малышами?

– Мне с ними хорошо... – Она почему-то все время старалась смотреть не на меня, а прямо перед собой.

– Что у вас, призвание к этой работе?

– Не знаю. Никто из родителей не жалуется как будто.

– А дети? – пошутил я.

– Они славные, – повторила Завражная.

– Вы специально учились?

– Сразу после школы пошла сюда.

– Понятно. И уже кое-какой навык, конечно, появился, профессионализм?

Завражная промолчала, пожав плечами.

– А как подруга ваша, Аня Залесская, быстро освоилась? – осторожно спросил я.

– Быстро. – Завражная вздохнула. – Дело несложное. Главное, – хорошо относиться к людям. – Маша сделала на слове «людям» ударение.

Упоминание о Залесской не внесло в настроение девушки сколько-нибудь заметного изменения. Напряжение осталось. Но почему?

– Вы с Аней подружились быстро?

– Она славная была...

– Понимаете, Маша, меня интересуют малейшие детали ее поведения, настроения.

Постарайтесь припомнить то, о чем я буду спрашивать.

– Понимаю. – Завражная нервно поправила челку. – Спрашивайте.

– Как вы с ней сошлись? Легко, хорошо?

– Она славная...

Вот упрямая девка! Заладила одно и то же.

– У вас были общие интересы, разговоры? – спросил я, быстро подавив раздражение.

– Вот, детишками занимались... Ну и о жизни, само собой, говорили...

– И как же ей жизнь была, в тягость или в радость? – решил я попробовать напрямую.

– Всякое случалось. Как у всех.

– Были огорчения?

– Без этого не бывает.

– По какому случаю, не помните?

– Помню. Сережку своего как вспомнит, ну и... Сколько с чужими ни возись, к своему еще сильнее тянется.

– Значит, по сыну тосковала?

– Очень.

– А почему его отправили к родителям мужа, не говорила?

– Почему же, говорила. Они, значит, когда с Валерием Георгиевичем сюда собрались, отправили сынишку на время туда, в Одессу. Не знали, какие условия, как обживутся...

– Ей нравилось здесь, в Крылатом?

– Говорила, что неплохо.

– А сына хотела забрать?

– Хотела. Все мечтала, как родит второго, так и Сережку заберет. Вместе, говорит, веселее.

– У нее был диплом агронома. Чем она объясняла, что пошла работать в садик, а не по специальности?

– Валерий Георгиевич присоветовал. – Имя Залесского Маша произносила с уважением.

– Слушалась она его, выходит.

– Выходит.

– Вы не знаете, у них были ссоры?

– Может, и были.

– Она не говорила?

– В семье всякое бывает...

– А вы не заметили в ней ничего, перед тем как она...

Завражная грустно покачала головой:

– Обычная была.

– Припомните, пожалуйста, последний день, когда вы с ней виделись?

– В тот самый и виделись. Весь день. Вместе ушли с работы.

– Может, она вела себя необычно?

Девушка задумалась.

– Нет. Ничего такого не припомню. – Поправила челку и повторила: – Не помню.

– Как у нее сложились отношения с людьми, коллективом?

– Ладила. Не ругались.

– А с директором совхоза?

– Наверное, тоже.

– Маша, что вас толкнуло пойти к Захару Емельяновичу?

Девушка встrepенулась.

– Ну, когда вы сказали ему, что не верите в самоубийство Залесской?

– Пошла... Пошла, конечно... Непонятно все это. Получается, что ни с того ни с сего... – Завражная говорила сбивчиво. – И Сережку жалко... Валерий Георгиевич очень тосковал. Ограду поставил и уехал... За один день все прахом... Вот и пошла...

– Может быть, у вас все-таки есть какие-то соображения, подозрения?

– Ни с того ни с сего получается... – повторила Завражная.

Да-а, вот и поговорил с ближайшей подругой Залесской. В голове мало что прояснилось, а в душе – осадок. Ключа к девушке не подобрал. И удастся ли подобрать? Даже не знаешь, кого винить – себя или ее. А может быть, никого? Есть люди, показания которых стоят очень мало. Их внимание слабо фиксирует события, происходящие вокруг.

...Около двенадцати ночи ко мне зашел Мурзин. Он тяжело сел на стул и некоторое время растирал колено обеими пятернями.

– С утра ничего. А к вечеру прямо огнем жжет, – сказал он, как бы извиняясь. – Ну, давайте, что там надо подписывать.

Я дал ему протокол допроса. Емельян Захарович достал очки и стал читать медленно и внимательно запись беседы. Внизу каждой страницы ставил подпись – полностью фамилию. На лице – никаких эмоций. Словно газету просматривал. Кончив читать, ни слова не говоря, написал на последнем листке: «Протокол мною прочитан. Показания с моих слов записаны правильно. Право делать замечания, подлежащие занесению в протокол, мне разъяснено. *Е. Мурзин*».

Я был озадачен его осведомленностью в нашей казуистике.

Директор совхоза снял очки, положил в футляр.

– Вот вы спрашивали, почему я написал письмо прокурору республики. Иной раз погубить человека – проще простого. Грубо обойтись. Забыть на какое-то мгновение, что перед тобой живая душа. Что, например, с одним моим другом произошло? Много мы вместе вынесли, хлебнули горя – на сотню бы хватило. И в войну тоже. Я получил пулю в правое легкое. Его засыпало. Контуженный, две недели лежал. Потом опять встретились в одной роте. До Праги дошли вместе... Мне что, я лихой кавалерист. А он на нервах держался. Голова – не чета многим теперешним профессорам. Но ничто не проходит даром. Сам иной раз удивляюсь, как это я после всего кручусь, дела какие-то делаю, радуюсь, кого-то ругаю, снимаю стружку, детей нарожал, внуков нянчу... А у него отложилось. – Емельян Захарович покрутил пальцами возле виска. – Душевное смятение. Тоска. Мне жена его писала. Тоже скажу вам, выстрадать столько и держаться настоящим героем... Короче, заболел человек. Она его с трудом уговорила пойти к врачу. Что в таких случаях делать надо? Поднять настроение, создать обстановку, послать на курорт, в санаторий, я не знаю, куда еще там. Посоветовать чем-то заняться. Лыжи, рыбалка, может быть, цветочки разводить. Ведь отвлечься можно чем угодно. Врач вместо всего этого говорит: «Мы вас можем поставить на учет, сообщим на работу, а они там уж пусть сами делают выводы». А он к тому времени опять был в зените славы. Нет, вы можете себе представить, как это подействовало на него? Выходит, врач не оставил ему надежды... Удивительно, где были люди, что трудились рядом? Я бы во все колокола звонил. Окружил бы его соответствующей обстановкой... Потом, когда его не стало – он наложил на себя руки, – возносили до небес. Кого, мол, потеряли, невозместимая утрата... Жаль, я обо всем узнал слишком поздно. Человека уже не было. Но все равно так дела не оставил. Написал в Минздрав... О враче...

– Ну и как отреагировали на ваше письмо?

– Врача от работы отстранили. Такого психиатра не только к больным, к нормальным людям нельзя на пушечный выстрел допускать. Видите, невнимание иной раз оборачивается

трагедией... Нельзя быть равнодушным. Вот только получается у меня не очень весело: второй раз пишу, когда человека уже нет. – Он поднялся: – Я вам больше не нужен сегодня?

– Спасибо, что зашли. Не забыли...

– Таких вещей я не забываю.

Мы простились. Мурзин вышел, припадая на ногу сильнее обычного.

Признаться, судьба этого человека меня заинтересовала не на шутку. Хорошо бы разузнать о его жизни подробнее...

Глава 7

В женскую консультацию в Североозерске, где Залесская состояла на учете, я поехал рано утром. Перед отъездом я попросил участкового инспектора Линева разыскать Коломойцева, совхозного шофера, который был у Залесских дома за несколько часов до происшествия, чтобы назавтра с ним побеседовать. Круглые сутки шел хлеб. У всех сейчас горячая пора. Что говорить о шоферах...

Обследование Залесской проводила сама завконсультацией Мамбетова.

Врач перелистала пухлую историю болезни умершей и сказала:

– Теперь я вспоминаю пациентку совершенно отчетливо. Знаете, это профессиональная особенность. Для нас история болезни – лицо человека. Залесская переносила беременность нормально. Вы знаете, очень важно, если первый ребенок родился рано. Женскому организму материнство не вредит, а помогает. Если нет, конечно, патологических отклонений. Точно установлено: чем больше детей, тем меньшая вероятность заболевания раком.

– Как у Залесской было со здоровьем?

Мамбетова листала карточку и словно читала жизнь человека:

– В детстве развитие нормальное. Как у всех – корь, свинка, коклюш. Аппендицит вырезан в шестнадцать лет. Серьезных заболеваний не было. Первая беременность в двадцать – это нормально, даже хорошо. Протекала без отклонений. Родила в срок. Роды нормальные. Кормила сама до девяти месяцев. Дальше все в порядке. Ни одного аборта. Вторая беременность – в январе этого года. На втором месяце небольшой токсикоз. Явление распространенное. – Завконсультацией закрыла историю болезни. – Сейчас бы она имела уже второго ребенка. Думаю, здорового... Какая трагическая нелепость... Оставить сироту, погубить себя и так и не появившуюся на свет еще одну жизнь...

– Хадиша Мамбетовна, когда к вам Залесская обращалась в последний раз?

– Это легко установить. Последнее посещение – 27 июня.

Я прикинул – меньше чем за две недели до смерти.

– По какому поводу?

– Очередное обследование. Да и приходило время думать о декретном отпуске.

– Как вы считаете, у нее все было нормально в смысле здоровья, настроения?

– По-моему, да. Беременность развивалась без отклонений. Все анализы в норме. Я еще удивилась, когда она спросила, нельзя ли сделать аборт...

– Что вы ответили ей на это?

– Ответила как врач. Во-первых, мы всегда убеждаем оставить ребенка, во-вторых, никакой врач не взялся бы сделать ей аборт. Разве что в самом крайнем случае. Это ведь почти созревший плод. Около семи месяцев. Недоношенные, семимесячные, в большинстве случаев теперь вполне нормально развиваются...

– Она настаивала?

– Настаивала. Но я ее попыталась отговорить. Впрочем, женщина она культурная, могла знать сама. Ну а потом...

– Вы как врач считаете в таком случае ее поведение нормальным?

– Она, в общем-то, производила впечатление уравновешенного, не угнетенного чем-либо человека. Но кто знает? То, что она говорила об аборте... У женщин в ее положении особенно чувствительна нервная система. И психические отклонения вполне возможны. У одних они протекают не ярко выражено, у других – могут принять опасный характер...

– Могла ли она покончить с собой в результате, как вы выразились, психических отклонений на почве беременности?

– Категорически исключать невозможно.

– Когда точно она забеременела?

Врач развела руками:

– Точно мы можем сказать, когда ребенок уже родится.

– А в период беременности?

– Возможна ошибка в две недели. В ту и другую сторону.

– Как по документам?

Мамбетова снова заглянула в карточку:

– Январь. Но возможно, и декабрь...

Вопрос о сроке беременности я уточнял не просто так.

В январе Залесских еще не было в Крылатом. Они жили далеко от этих мест, в городе Вышегодске Ярославской области.

В предсмертном письме меня давно уже занимало одно место: «Если бы я даже и смогла перебороть себя, очиститься, постараться стать лучше, это невозможно. Все время рядом будет находиться напоминание о моем предательстве по отношению к тебе...»

Что может служить напоминанием? Само воспоминание об измене. Это вариант вполне возможный. Судя по стилю письма, Залесская мыслила довольно образно.

Второе – какая-нибудь вещь. Но от вещи всегда можно избавиться.

Остается третье – человек. Скорее всего – так и не родившийся ребенок. Может быть, Залесская считала, что отцом его является не муж, не Валерий Залесский? В таком случае проясняется ее просьба об аборте. Последняя возможность устранить фактор мучительного, раздвоенного существования. За две недели до рокового шага...

Но почему же тогда она не избавилась от беременности раньше, когда позволял срок?

Причин может быть много. Боязнь. Ей бы пришлось это делать впервые. Нравственные колебания. Сомнение – от Залесского или нет будущий ребенок. Наконец, обыкновенная человеческая нерешительность. Как можно дальше оттянуть решение большого вопроса...

Рано утром следующего дня я сидел в кабинете главного зоотехника. Приходилось подлаживаться под совхозный ритм.

Так же сурово глядела на меня буренка из-под руки доярки.

Секретарша Мурзина, зашедшая узнать, не нужно ли мне чего, спохватилась:

– Я же говорила, чтобы сняли это. – Она приставила к стене стул, чтобы убрать плакат.

– Оставьте, не мешает, – остановил я.

– Несolidно вроде бы... – сказала она нерешительно.

– Почему же? – Я улыбнулся. – Любое рабочее место надо содержать в чистоте.

Секретарша ушла, пожав плечами.

Коломойцев был вызван на восемь часов. Явился он в десять.

С первого взгляда этот парень производил странное впечатление. Шляпа с небольшими, загнутыми вверх полями, и при этом – замасленная куртка, штаны с пузырями на коленях, заправленные в сапоги. Сапоги же – шевро, надраенные до блеска. Как он сохраняет их в чистоте на разбитых, грязных дорогах? Я поинтересовался.

– Я же в машине, – ответил он, несколько озадаченный моим вопросом, и сказано это было таким тоном, будто ездил он на «чайке» по вымытой, чистой Москве.

Длинные, спутанные волосы, чуть подкрашенные. И прямо-таки дворянские баки и усы – холеные и аккуратно подстриженные. Кисти рук тонкие, длинные, но загрубелые от баранки, черные от машинного масла. Во рту – погасшая трубка...

Во всем его облике, где соседствовали крайности, пожалуй, самым примечательным являлись глаза. Светло-голубые, при сильном освещении они светлели еще больше и казались прозрачными.

Во всяком случае, шофер совхоза «Маяк» выглядел необычно.

Я попросил его рассказать о том злополучном вечере, когда они выпивали в доме Залесских, а потом у него.

– Вы считаете, – спросил он, поглаживая бритый подбородок, – если бы не выпили, Аня не решилась бы на это?

– Меня интересуют подробности. Детали.

– Но я уже рассказывал...

– Повторите, пожалуйста, еще раз.

– Знаю, – усмехнулся он, пыхнув погасшей трубкой, – ловите на деталях.

Я пропустил его замечание мимо ушей.

– Изложите, пожалуйста, последовательно, как все происходило.

– Днем встретил возле клуба Валерия. Он сказал, заходи, посидим, мол. У меня, то есть у нас, и в мыслях не было напиваться.

– Но водку принесли ведь вы.

– А как же с пустыми руками? Что, духи нести или подарок? Не день рождения, а просто так...

– Хорошо, дальше.

– Ну, сели. Аня, помню, сготовила в тот день борщ и котлеты. Незаметно выпили всю бутылку. Под хорошую еду.

– Аня пила с вами?

– Кажется, рюмочку. От силы – две. Валерий упросил.

– Но ведь она была в положении все-таки...

– Рюмку-то! Валерий твердил, что если пить вино, то ребенок родится красивым...

– Ладно. Выпили. Маловато для настоящих мужчин...

Коломойцев улыбнулся:

– Вы сами подсказали нужную мысль.

– Нет, это ваши слова...

– Может быть, может быть. Я, честно признаться, инициативы не проявлял. В гостях же, а не у себя. Валерий хотел еще. Аня, естественно, против. А мне каково? Я их уважаю одинаково. Оба стоящие ребята. Поддержки одного – другой обидится. Сижу, не выступаю.

– Наверное, можно было послушаться беременную женщину, как вы считаете?

– Да, виноват, смалодушничал. Должны понимать: мужская солидарность... Короче, Валерий предложил пойти ко мне.

– Подождите, они сильно поругались?

– Что вы! Интеллигентные люди. Она говорит, пожалуйста, мол, идите, просто ей неприятно на это смотреть.

– Понятно. Ну а Залесский?

– Неужели вы думаете, что он грубил или хамил?

Все тактично. Он выступил, что надо, мол, еще выпить, чтобы освободиться от стресса, очистить мозги. Я, говорит, тебя понимаю, пойми и ты меня. С тем и пошли... Я считаю, что так и должно быть среди современных людей. А?

– Много вы еще выпили?

Коломойцев болезненно поморщился. Напоминание о выпивке раздражало его.

– Понимаете, наверное, во всем виноват спирт.

– Вы хотите сказать, доза принятого спирта?

– Не-е-ет. Какой-то он был нечистый. С запахом. Может быть, в плохой посуде был. Валерий обычно держался. А тут – как обухом по голове. Отключились. Куда уж ему домой. Только травмировать Аню. И еще плохо ему стало.

Коломойцев говорил быстро, проглатывал окончания. К тому же шипящие он произносил с присвистом. И я иногда с трудом улавливал смысл.

- Вы говорите, что ему стало плохо? – переспросил я.
- Простите за натурализм. Рвало. Среди ночи.
- А вы как?
- Худо. На следующий день я его вылил к чертовой матери, – сказал он таким решительным тоном, что не оставалось никакого сомнения: спирт был вскоре допит до капли.
- Долго вы сидели?
- За полночь. – Он подумал. – Может быть, раньше, может быть, позже, знаете, как под этим делом.
- Не знаю.
- Он усмехнулся. Пососал трубку.
- Ну да...
- Что «ну да»?
- Совсем, что ли, не потребляете?
- Нет.
- Теперь понятно, – сказал он загадочно.
- Что вам понятно?
- Вы все время выступаете насчет выпивки...
- Я улыбнулся:
- Мне кажется, вас этот вопрос задевает...
- Ничего подобного. Выпиваю, как все. Не больше других. В наше время без этого не обойтись.
- Вы так считаете?
- У людей теперь все чаще наступает стрессовое состояние. Чем его можно снять? Немного выпить... В США, например, ищут заменитель алкоголя. Проблема!
- Вы же шофер.
- Коломойцев закинул ногу на ногу.
- Ну и что? Почему-то творческим работникам это разрешается. Им это необходимо для вдохновения. А простым смертным – запрет. Они не люди...
- Уверяю вас, когда человека забирают в вытрезвитель, не смотрят, простой он гражданин или известный артист, писатель, композитор...
- Коломойцев решил меня поддеть:
- А если академик, тоже забирают?
- Положение для всех общее.
- Ну да, выступайте.
- Мне кажется, мы отвлеклись. Как вы этого ни хотите, вернемся к вашей выпивке. Итак, Залесский в ту ночь оставался у вас ночевать?
- Да.
- А кто ухаживал за ним, когда ему стало плохо?
- Наверное, Евдокия Дмитриевна, моя хозяйка. Я спал.
- Вы, значит, не помните, что с ним было?
- Откуда! Узнал только наутро.
- Вы спали и ничего не слышали?
- Не слышал. Проснулся только утром.
- Хорошо. Станислав, какие взаимоотношения были в семье Залесских?
- По-моему, они отлично умели жить вместе, хотя и любили друг друга...
- Я посмотрел на него почти с удивлением. Откуда у молодого парня такая формулировка?
- На основании чего вы это заключаете?
- Я доверяю прежде всего своим чувствам.
- Видите ли, для протокола чувства – вещь в какой-то степени нематериальная...

- А мне кажется, это самое главное, – сказал он твердо.
- Хорошо. Давайте дальше. Вы, наверное, говорили с Залесским о жизни?
- Очень много.
- К примеру, как он относится к супружеской измене?
- Вы меня извините, но это мещанские разговоры.
- Понимаете, нам все-таки придется остановиться на данном вопросе... важном для следствия. Как он относился к этому?
- По-моему, широко, по-современному...
- Конкретнее. Говорил ли он вам о том, что подозревает жену? Его реакция на это?
- Нет, он не подозревал ее. Следовательно, какая может быть реакция? Помню, ее уже увезли в район, он сидел на крыльце и выступал: «Зачем она это сделала? Главное – жизнь. Все можно понять и простить. Зачем она это сделала...» Думаю, для него превыше всего было счастье Ани. Ну а если изменила, что ж, жизнь есть жизнь. Валерий, как мне кажется, понимал все это и мог простить. Он, повторяю, был большой души человек. Не копался в мелочах. Не захотел быть агрономом – бросил институт, захотел увидеть свет – пошел простым моряком на корабль, решил написать роман о целине – поехал за тысячи километров. И уж конечно, какая-то там измена его не перевернула бы.
- А роман он написал?
- Сказал, что собирает материал пока... А потом... До этого ли было?
- Итак, Залесский тоже без пяти минут агроном. Сведение интересное. Новое. Надо бы ознакомиться с его автобиографией в отделе кадров.
- С Аней они познакомились в институте?
- Да, она училась курсом младше.
- Интересная собой?
- Хорошее славянское лицо, что-то в ней было... Между прочим, у Ципова есть пленка. Можете посмотреть.
- Кто такой Ципов?
- Он сейчас вместо Валерия в клубе. И еще киномеханик. Залесский добился покупки кино съемочного аппарата. Любительского. Полезное дело задумал – кинохронику совхоза. При нем отсняли несколько мероприятий. На одной, кажется, есть Аня...
- После допроса Коломойцева я пошел в совхозный клуб.

Глава 8

Там было холодно и сыро. Пахло гуашью. Я прошел через коридор в зрительный зал. Никого. На окнах – темные шторы. Только одно, с поднятой гардиной, пропускало свет.

Грубо зашитый посередине экран, на стенах транспаранты.

Откуда-то доносились приглушенные звуки гитары.

– Кто здесь есть?

Внезапно колыхнулся экран, казавшийся намертво вделанным в стену, и высунулась голова с заливчатским огненно-рыжим чубом.

– Мы.

– Кто – мы?

– Ципов. Проходите сюда, если есть дело.

За экраном – стена, за ней – маленькая комнатка, заклеенная афишами кинокартин. Особенно здесь благоволили к Чурсиной...

Как можно разместить на таком пространстве письменный стол, диван с лоснящимися валиками, шкаф и три стула – было непонятно.

Я смотрел на веснушчатого паренька – а Ципову было отпущено столько веснушек, что хватило бы с лихвой на дюжину парней, – и мне вспомнилась песенка из мультфильма «Рыжий, рыжий, конопатый...».

– Слушаю вас, – важно произнес завклубом. Мне едва удалось сдержать улыбку. Как это было сказано!

Я представился. Изложил цель моего прихода. Паренек спросил:

– Где будем просматривать? Вам, конечно, лучше, чтобы экран был побольше?

– Хотелось бы...

– Тогда в зале.

Мы перешли в зрительный зал. Ципов установил небольшой любительский проектор, достал кассеты.

– Какой камерой снимали?

– Шестнадцать миллиметров. «Киев». У меня готово. Можно начинать?

– Да, пожалуйста.

Он опустил штору и начал колдовать над аппаратурой.

– Это не «Колос», конечно, но тоже кино.

– А что такое «Колос»?

Ципов показал рукой на заднюю стенку клуба, где чернели окошечки кинопроекторов:

– Моя основная техника.

– Понятное дело. У меня к вам просьба: говорите, кто на экране. Я ведь никого не знаю.

– Будет сделано... Поехали.

Застрекотал моторчик, на белом полотне высветился прямоугольник, и на экране возникла летняя крылатовская улица. С качающимися от ветра тополями, с сонными домишками. Улица тоже качалась, дорога металась из стороны в сторону, будто оператора шатало, как пьяного.

Ципов смущенно кашлянул:

– Проба.

Наконец камера остановилась. Молоденькая девчонка, с косичками, в коротеньком платье, строила рожи в объектив. Я вопросительно посмотрел на паренька, чуть видневшегося в полуосвещенном зале.

– Одна тут, с почты... – Он еще больше смутился.

– Кто снимал?

– Я, – тихо сказал Ципов.

Потом на экране побежали блики, полосы, и вдруг явно обрисовались ряды голов.

– Собрание, – пояснил Ципов. – Здесь, в клубе, я снимал.

Люди вставали с мест, смотрели прямо в аппарат, кто-то улыбался, кто-то качал головой.

Ребятишки подпрыгивали, показывали язык...

– Несознательная публика, – проворчал киномеханик. – Как дикари.

Камера перескочила на президиум. Во главе стола – Мурзин. Держался он просто. Наверное, привык к киносъемкам.

– Наш директор, Емельян Захарович, – произнес Ципов. – А это парторг Шульга и зам-председателя райисполкома Зайцев.

И парторг, и зампредседателя держались напряженно.

Аппарат полоснул по лицам и остановился в центре зала.

– Валерий Георгиевич, – сказал киномеханик. И тихо добавил: – С Аней...

На них он держал камеру долго: начальство... Не знаю, чувствовали, видели ли они, что их снимают. Мне показалось, что нет.

Залесский, едва откинувшись на стуле, словно наблюдал исподтишка за женой. Она сосредоточенно смотрела на сцену, вся подавшись вперед.

Профиль Залесского выделялся ярко, рельефно. Неумелая подсветка. Черты лица его рассмотреть было трудно. Светлый силуэт. И скошенные на Аню, настороженные глаза... В ее длинных волосах играли блики.

Промелькнули, пролетели на экране головы, и в кадре уже – трибуна.

– Главный агроном, – пояснил Ципов. – Ильин.

Беззвучно шевелились губы, ритмично двигались руки главного агронома. Совершенно плоское, неумело высвеченное лицо. Да, оператор явно делал первые шаги. Свет ставить он не умел.

Затем, как в сказочном фильме, Ильин превратился в Мурзина, тот – в парторга. И без всяких перебивок – опять Валерий Залесский и Аня. Он улыбался. Вернее, усмехался. Залесская нагнула голову...

Резко осветился экран. По берегу реки бежала девушка в купальнике. Та самая, что строила рожицы в начале пленки.

– Больше Ани нету, – глухо проговорил Ципов.

– Хорошо, – сказал я. Надо было прекратить его страдания. – Если можно, повторите зал.

Снова Залесский настороженно смотрел на жену, она – на главного агронома. И опять Валерий чему-то усмехался, а Аня прятала глаза.

Киномеханик остановил аппарат перед тем, как появиться девушке на пляже. Включил свет.

– Конечно, не монтировали? – спросил я.

– Нет. Как отсняли, так и не трогали.

– А когда было собрание?

– В мае. Посевная как раз шла...

...По дороге в правление совхоза я вновь и вновь вспоминал увиденном на экране. Жаль, конечно, что изображение без звука. Голос, интонация, вырвавшаяся реплика – все было бы яснее, о чем там говорил Ильин. И можно ли это восстановить?

Черт побери! Иди догадайся, что происходило в душе каждого из супругов. Может, он спросил ее о каком-нибудь пустяке? А может быть, нет.

Помню, как-то в передаче «Кинопанорама» по телевизору показывали, что такое дубляж фильма с иностранного языка. Один отрывок – шутка. Из «Фантомаса». В эпизоде с комиссаром Жювом подложили под изображение и артикуляцию совершенно другой текст. Было абсолютно правдоподобно и от этого – очень смешно.

Мне же теперь было совсем не до смеха. Несколько мгновений, запечатленных на пленке, что-то означали.

Отношения между людьми. Если бы я мог их расшифровать!

И еще. Впервые я встречался с живым человеком на экране, зная трагический конец. Ощущение не из веселых...

– Вами одна женщина интересовалась, – встретил меня сторож.

– Где она?

– Сказывала, снова зайдет.

– По делу?

– Говорит, по личному.

– Хорошо. Я только зайду в номер, а потом буду в кабинете.

У меня со вчерашнего дня лежало в тумбочке письмо Наде. Надо было его отправить.

Не успел я зайти в свою комнату в доме для приезжих, как ко мне постучали.

Я открыл. Вошла женщина в коричневом болоньевом плаще, такой же косынке, с хозяйственной сумкой в руках.

– Здравствуйте, товарищ Чикуров.

– Здравствуйте, здравствуйте. – Я посмотрел на нее вопросительно. – У вас дело ко мне?

– Вот, прислали... Как говорится, в ваше распоряжение.

Уж этот Мурзин, помешанный на городском сервисе...

– У меня все в порядке. – Я оглядел комнату. – Чисто. С койкой, как видите, управляюсь сам.

Женщина невольно обвела комнату глазами:

– Значит, тут обосновались. Это хорошо. А столуетесь где?

– В чайной.

– Это не дело. – Она сняла болонью, повесила на вешалку у двери. – Какие будут указания?

– Спасибо, мне действительно ничего не надо.

Женщина пожала плечами:

– Странно, а меня сняли с задания. Полковник приказал: из Павлодара – прямо сюда.

Двое суток добиралась...

Только теперь до меня дошло.

– Вы... Вы старший лейтенант Ищенко?

– Так точно, товарищ следователь.

Я рассмеялся:

– Ради бога, простите меня. Я, признаюсь, принял вас за... Тут, понимаете, Мурзин все меня заботой окружает... Давайте знакомиться. Игорь Андреевич.

– Серафима Карповна. – Она протянула руку. – Обознались, выходит?

– Обознался.

– Это, может, и хорошо, – сказала она. – Если свои не признают, то уж другие-прочие – тем паче...

Да, для оперативной работы Ищенко подходила в самый раз. Обыкновенная гражданочка, каких много встретишь по стране – и в городе, и в деревне...

Ждал такого бравого мужичка, а тут – тетечка... На секунду у меня промелькнула мысль: может быть, это финт Кукуева, замначальника следственного отдела прокуратуры края? Все-таки не какой-нибудь опытный мужчина, а всего-навсего женщина... Что ж, поживем – увидим.

– Садитесь, пожалуйста, Серафима Карповна, потолкуем. Без вас я как без рук. И уйма вопросов...

Она достала из хозяйственной сумки пачку «Беломора». Закурила.

– Прежде всего, как устроились? – спросил я.

– Вы не беспокойтесь, Игорь Андреевич, у меня здесь родственники. Считайте, как у себя дома...

– Хорошо. Вы с самого начала принимали участие в предварительном следствии?

– От и до.

– И не удивляетесь, почему я снова взялся за него?

Она просто ответила:

– Начальству виднее. С горки, как говорится...

– Оно, конечно, так. Но ведь внизу, под горкой... кое-что получше разглядеть можно.

– Можно. Но вот нужно ли, это не нашего ума дело.

– Вы так считаете?

– Конечно, могли бы покопаться основательнее. Проверочек провести побольше. А раз дело ясное, зачем тянуть? Других дел много.

Я заметил, что говорит она не очень решительно. И оспаривать действия моего предшественника не берется.

– Серафима Карповна, как получилось, что не допросили Марию Завражную? Ближайшая подруга умершей...

– Очень просто. Ее тут не было во время следствия.

– Как это? Она ведь в тот день была с Залесской на работе.

– Была. А через день в отпуск уходила. Супруг ее, тракторист с Поволжья, из-под Оренбурга. Он приезжал на посевную. Обженились, как говорится, в два счета. И выходит, повез молодую жену родным показать.

– Но ведь можно было послать отдельное требование?

– Можно, – вздохнула Ищенко. – А потом дело прекратили...

– Ну что ж, вопрос ясен. Может, и правильно. Говорил я с Завражной, но без толку. Странный человек. Все время куда-то нос воротит. Молчит. Боится, что ли...

– Просто вы ничего не знаете о ней.

– А что такое?

– Глаза у нее одного нет. Искусственный.

– Вы с ней виделись?

– Нет. По разговорам.

Да, товарищ Чикуров, тебе следует поставить в случае с Завражной двойку за наблюдательность. Но я не сдавался:

– Мало ли людей с увечьями. Свыкаются. У нас в институте был один слепой студент. Общительный, веселый человек. В красном уголке, в общежитии, первым приходил к телевизору. Не пропускал ни одного нашумевшего спектакля...

– У кого как. Маша была, как говорится, первой девкой на деревне. И пела, и плясала, парни хороводом под ее окнами ходили. Не один синяк под глазом был из-за нее поставлен. А когда года два-три назад парнишечка за ней увивался, говорят, влюбилась девка по уши. На мотоцикле катал. И докатались, в овраг угодили. Ему ничего, а она глаза лишилась. Дело к свадьбе шло. Он, залетный, как она попала в больницу, лыжи наострил и был таков. Вышла Маша изуродованная, кавалеры подевались кто куда. Конечно, девчат вокруг много и все у них на месте. Надо же, угораздило лицо испортить. Пусть бы какая другая отметина, на руке там, на теле. А тут – самый главный вид. Молодые, они прежде всего на парад смотрят. Душа, можно сказать, на самом последнем месте... Вот и получилось, что от вчерашней павы отвернулись. Мало кто выдержит такое. Ушла в себя. А с Залесской быстро сошлась. Но все-таки Мария вышла замуж. Залесская в этом сыграла не последнюю роль. И вдруг – совершить самоубийство. Думаю, очень на Машу подействовало.

– Подействовало, конечно. Я с вами согласен. Но, наверное, семья лечит...

– Кого лечит, а кого калечит. Говорят, правда, мужик у Маши спокойный. В обиду не дает. Она очень добрая на самом деле. Застенчивая.

– И все-таки мне нужно, чтобы Завражная была пооткровенней.

Серафима Карповна кивнула:

– Верно. Меж подругами редко бывают тайны.

– Что ж, попытаемся еще раз. Теперь, Серафима Карповна, вот о чем. Об Ильине.

– Главный агроном?

– Он. Вы что-нибудь знаете о нем?

Ищенко достала новую папиросу.

– И тогда, с прежним следователем, разговор о нем заходил. Болтают по селу, что его с Залесской часто видели. Якобы даже в ресторане Североозерска.

– Ну и что?

– Так ведь как болтают: сам, мол, не видел, люди видели, мне сказывали. Как только начнешь уточнять – следов нет. Все в кусты.

– Можно было спросить у работников ресторана.

– Можно, конечно. Следователь был у секретаря райкома, товарища Червонного. Ильиным интересовался.

Червонный его хорошо характеризовал. И после этого – все. Любые действия по отношению к главному агроному мы прекратили.

– И все-таки, Серафима Карповна, Ильиным мы займемся.

– Это задание?

– Да. Первое. Второе – Станислав Коломойцев.

Ищенко усмехнулась:

– Знаменитая личность.

– Вот как?

– О-о! До сих пор помнят.

– Расскажите.

– Самородок. Художник. При Залесском еще выставку в клубе организовали. В Барнаул хотели везти. Да это несчастье случилось. Залесский не успел, уехал. А гонору у парня теперь на весь век хватит...

– Я тоже это заметил. Так что постарайтесь выяснить, в каких он был взаимоотношениях с семьей Залесских. С Аней.

Серафима Карповна кивнула.

– И еще. В июне – июле здесь были приезжие. Механизаторы, студенты. Хорошо бы поработать и в этом направлении...

– Много народу побывало. Много.

– Знаю, Серафима Карповна, объем работы большой. А с другой стороны – вдруг и обнаружим какую-нибудь сомнительную личность.

– Значит, не отрицаете убийство?

– Я ничего не отрицаю. И пока, увы, ничего не утверждаю...

Уходя, Ищенко решительно повторила:

– В столовой обедать не годится. Но мы это организуем.

Я попытался возразить. Насколько Серафима Карповна была осторожна в наших деловых отношениях, настолько здесь она проявляла завидное упорство.

Мне даже стало любопытно. Как это она устроит? И чем руководствуется? По мне, главное, чтобы оперативник знал свое дело. А с хозяйственными и прочими вопросами я управлялся всегда сам.

Глава 9

По уходе старшего лейтенанта я решил подвести кое-какие итоги. Сначала следовало определить круг людей, о которых мне надо было знать подробнее. Без этого к ним ключа не найдешь, свидетельство чему – история с Завражной. Пока не появились новые лица, уже знакомые должны быть у меня как на ладони.

Прежде всего, конечно, супруги Залесские. Почему они появились в Крылатом? Оба с агрономическим образованием. Один становится завклубом, другая – воспитательницей в детском саду. Что их привлекло сюда? Длинный рубль?

Сомнительно. Залесский получал в месяц девяносто рублей, а жена – семьдесят пять. Такую зарплату они могли иметь и в Вышегодске. Кстати, об этом городе я раньше не знал. Неудивительно. Уверен, что мало кто знает и Скопин-городок в Рязанской области. Для меня он знаменит тем, что я осчастливил его своим рождением...

Коломойцев показал, что Валерий Залесский приехал в Кулунду якобы для того, чтобы собрать материал и написать роман о целине. Но пока он собрал только материал. Интересно, есть ли у него уже изданные книги? Я послал запрос в Книжную палату.

И все-таки почему Залесские оказались именно здесь, в Крылатом? Конечно, должны быть для этого причины. Мне пока они неизвестны...

Я иногда задумывался: а что, если какой-нибудь следователь, мой дотошный и занудливый коллега стал бы разбираться в моей жизни? На чем бы он споткнулся? Во всяком случае, ломал бы голову?

Поработать бы ему пришлось изрядно. Встретиться кое с кем. И не все бы раскрылись. И сдастся, кое-что осталось бы неясным.

Открывая дело Чикурова И.А., он узнал бы, что родился на Рязанщине. Ну, школа, драмкружок, детский хор – все это есть в документах. Имеются грамоты. За участие в областном смотре. Затем – консерватория. Та-ак, сказал бы следователь, это уже интересно. По классу вокала. На третьем курсе гражданин Чикуров уходит из консерватории. По болезни. Профнепригодность.

Теперь я отношусь к этому спокойно. Тогда было худо.

Это мягко выражаясь. Подвело горло, осложнение после гриппа. «Закон подлости»: бутерброд падает маслом вниз, единственная монета закатывается в единственную щель в полу... И еще русская пословица (ими я нашпигован благодаря словоохотливости родителей) – бодливой корове бог рог не дает...

А дальше мой коллега был бы поставлен в тупик. Почему Чикуров поступил на юрфак в МГУ? Первое – здание факультета тогда было рядом с консерваторией, по той же улице Герцена.

Чепуха, сказал бы следователь. В принципе – да. Право и вокал так же далеки друг от друга, как Кулундинская степь и ярославские леса. Хотя, говорят, профессор, который читал нам трудовое право, был когда-то главным режиссером Театра оперетты...

Может быть, юношеское увлечение Конан Дойлем, Эдгаром По и Адамовым? Я бы ему сказал, что не так. Прочел этих авторов в зрелом возрасте (карточка в библиотеке консерватории).

«Шерше ля фам!» – воскликнул бы следователь. И был бы близок к истине.

Но вот найти эту женщину... А если бы и нашел, она бы сказала, что никакого Чикурова И.А. не знает. Как это ни горько. Сейчас, правда, уже не горечь, а воспоминание о горечи. Хотя в новосибирском аэропорту меня на некоторое время посетили грустные мысли.

О той женщине, тогда – стройной девушке, никто не знал. Даже мои самые близкие друзья. По их мнению, у меня была скверная привычка замалчивать свои личные дела. А я просто-напросто ревновал ее даже к родителям.

Понимаю, качество не совсем лестное. Но что поделаешь? Натуру не изменишь.

Но если я все-таки решил бы давать показания, следователь узнал бы правду.

Два года я пропадал на лекциях по уголовному праву, криминалистике, судебной психиатрии и прочим дисциплинам, что читал будущим юристам. И не потому, что они меня увлекали. Мне хотелось почаще быть рядом со своим «предметом» (как говорит моя мать).

И когда врачи сказали, что петь я уже не буду, а смогу только подпевать, я недолго думая перебрался вниз по улице Герцена. Хотя меня оставляли в консерватории на дирижерско-хоровом факультете. Но мысль о том, что мне придется учить кого-то петь и не петь самому, совсем не грела. Представьте себе, всю жизнь оплакивать свою неудачу...

Чего бы мне очень не хотелось говорить следователю (он бы все равно теперь смог узнать, после моего признания), так это то, что девушка, ради которой я пошел по стопам Шерлока Холмса и Мегрэ, уехала по окончании университета в Новосибирск и вышла замуж за оперного певца. А я еще три года учился в университете, тщательно обходя консерваторию.

Почему она все-таки избрала мужа-артиста, я не знаю.

Он далеко не Карузо. Заурядные вокальные данные.

Остается только предположить, что она плохо разбирается в бельканто. Я не успел ее просветить.

Но вернемся к Залесскому.

Коломойцев утверждал, что он – человек широкой души. Честно говоря, определение расплывчатое. Иной раз равнодушие вполне сходит за великодушие.

Сколько приходится слышать о мужчинах, которым якобы безразлична женская верность... Я готов согласиться – такое возможно. Но думается, это ненормально. Вложив в человека душу, Бог все-таки оставил в нем инстинкты далеких предков.

Правда, пословица гласит: не дай бог коня ленивого, а мужа ревнивого.

Уж эти мне пословицы! На один и тот же случай в народной мудрости всегда можно найти прямо противоположные суждения. Прекрасный для меня пример – шуточные перебранки моих родителей. Бывало, мать скажет о ком-нибудь: холостая воля – злая доля. Отец тут как тут: женишься раз, да наплачешься век. Но самый коронный диспут происходил тогда, когда отец осмеливался приложиться к рюмочке в непраздничный день. Эх, говорила мать, был Иван, стал болван, а все винцо виновато. Родитель мой спокойно отрубал: пьян да умен – два угодя в нем.

Вот и по поводу ревности есть еще другая мудрость: не ревнует, значит, не любит.

Не знаю, как кому, а мне это больше по душе.

«Игорь, здравствуй!»

Эту фразу я перечитал раза три. Так неожиданно, так радостно было получить в Северозерске письмо от Нади. Знаменательно: ее первое послание ко мне.

На почтамте я читать не стал: много народу. И еле дождался, когда тронется автобус в Крылатое.

«В Москве похолодало. Прошел неожиданно дождь со снегом. Пришлось сшить Дикки теплую попонку. Он подхватил насморк, давала ему аспирин и антибиотики...»

Дикки? Да, Кешкино увлечение. Доберман-пинчер. Собака Надиного сына, а прогуливали мы его с Надей. Месяц назад это было довольно занудливое существо. Не пропустит дерева, чтобы не задрать ногу.

«Ездили устраивать его в школу дрессировки. Нам сказали, что он уже переросток. Посоветовали обратиться к частному собаководу...»

Черт знает что! Называется письмо к любимому человеку.

«У нас на днях был дедушка. Славный старик. Полковник в отставке...»

Никакого дедушки у Нади я не знал. Насколько помнится, из всех родственников у нее только мать, сын да брат... Выходит, подпольный дедушка.

«Он сказал, что Дикки самый крупный из всех братьев и сестер...»

Значит, это дедушка Дикки. На каком языке они изъяснялись? Полковник в отставке. Вроде бы человеческий дедушка-то.

«Дикки его узнал, и, поверишь, даже слезы текли...»

Нет, скорее, собачий дедушка.

«Дедушка обещал мне и Дикки навещать нас каждый месяц...»

Определенно собачий.

Дальше шла информация о жизни других животных.

«Наш попка Ахмед уже говорит девять слов. Особенно ему удастся имя мамы: Варвара Григорьевна. Она смеется до слез и прощает Кешке беспорядок в доме. Пиф ходит вялый. В природе ежи на зиму впадают в спячку, вот он и готовится. Набрал в свой ящик разных бумаг, запасся яблоками, сухарями и конфетными обертками, но мы потихоньку все убрали. Ты бы видел, как Пиф обиделся. Фыркал, бегал по всей квартире. Умора. Кот-котофеич наш Ерофеич стал совершенно неузнаваем. Я тебе говорила, что маленький он мне чем-то напоминал крысенку. Весь белый, глазки красные. А какой красавец сейчас! Лапы, морда и хвост коричневые, а глаза синие-синие. Чудо! Когда приедешь, Кешка тебе покажет свое звериное царство сам...»

Да, чего доброго, не стать бы экспонатом этого зоопарка.

В конце Надя писала: «Горит путевка в Болгарию, на Золотые пески. Агнесса Петровна уговаривает ехать. Говорит, там еще сезон, теплее, чем в Сочи. Болгарский бархатный сезон. Не знаю, как быть? Если у тебя есть время, напиши. Не спрашиваю, когда ты будешь в Москве, все равно не напишешь, мой дорогой Пинкертон. Скучаю, целую. *Надя*».

Если бы не это «скучаю, целую», я бы расстроился вконец. Меня совершенно добил Дикки со своим дедушкой, говорящие и засыпающие звери...

В голове зрели ответные строки, полные гнева и сарказма. Все мое существо возмущалось, призывало Надю отвести сердце от животных и вернуться к делам человеческим. И только перед самым совхозом я успокоил себя.

Каково ей будет получить письмо из такого степенного далека, навеянное горечью и сожалением! Надо быть выше мелочных обид. Все-таки «целую, скучаю».

Глава 10

В Крылатом меня ждал ответ из Одесской прокуратуры. В Одессе жил теперь Валерий Залесский. Понимая, в каком он находится состоянии после смерти жены, на допрос сюда, в Крылатое, я его вызывать не хотел. Однако меня интересовали кое-какие вопросы. По моему отдельному требованию Залесский дал следующие показания:

«...Вопрос. Где вы находились вечером 8 июля и ночь на 9 июля?

Ответ. Вечером 8 июля я находился у себя дома. Приблизительно около восьми часов вечера вместе с моим приятелем Коломойцевым мы отправились к нему домой, где сильно выпили, и я остался у него ночевать. Таким образом, ночь с 8 на 9 июля я провел у Коломойцева, что могут подтвердить он и его хозяйка Матюшина Е.Д.

Вопрос. Почему 8 июля вечером вы ушли ночевать к приятелю?

Ответ. Моя жена Залесская А.С. была против того, что мы с Коломойцевым потребляли спиртное в тот день. Остался же ночевать случайно: мне было плохо.

Вопрос. Как вы относились к тому, что ваша жена была беременна второй раз? Хотели ли вы второго ребенка?

Ответ. Вообще-то, мы не думали в то время заводить второго ребенка. Но раз уж так получилось... Я не был против. Считаю, что в семье должно быть по крайней мере двое детей.

Вопрос. Знали ли вы о том, что ваша жена хотела сделать аборт?

Ответ. В первый раз слышу.

Вопрос. Вы можете сказать, о какой измене шла речь в предсмертном письме вашей жены?

Ответ. Не знаю. Никогда не интересовался, как она проводит время без меня. Считаю ревность и подозрения унижительными как для мужчины, так и для женщины.

Вопрос. Имеются ли у вас подозрения в отношении кого-нибудь, с кем могла вам изменить жена?

Ответ. Я уже сказал, что ревность и подозрения считаю недостойными качествами. Поэтому никаких подозрений у меня нет...»

Читая протокол допроса, я ощутил странное чувство.

Совсем недавно я подобные рассуждения слышал. И, перелистав дело, остановился на показаниях Коломойцева.

Не знаю, кто из них кого учил жить, но взгляды обоих приятелей совпадали. Или они действительно единомышленники? Мне показалось, что я перестал понимать людей, родившихся на двенадцать – пятнадцать лет позже. Неужели мои взгляды на супружескую жизнь, верность, честь безнадежно устарели?

Если это так, пусть я лучше буду выглядеть старомодным, но зато, по-моему, естественнее. Потому что ревную, когда люблю, и не представляю себе, что может быть иначе...

Из Вышегодска пришла справка.

«На Ваш запрос, когда Залесский В.Г. и Залесская А.С. зарегистрировали свой брак, сообщаем:

По книге записей актов гражданского состояния Залесский Валерий Георгиевич 1945 года рождения и Кирсанова Ангелина Сергеевна 1947 года рождения зарегистрировали свой брак третьего января 1976 года, о чем имеется соответствующая запись и подписи вступающих в брак. По вступлении в законный брак с Залесским В.Г. Кирсанова пожелала взять фамилию мужа. Раньше, до этого, заявлений о желании вступить в брак от Залесского В.Г. и Кирсановой А.С. не поступало. Заведующая бюро ЗАГСа города Вышегодска *Орехова*».

Выходило, Валерий и Аня жили-поживали пять лет, сын подрос, и вдруг решили зарегистрироваться. И тут же махнули в Крылатое, предварительно подкинув ребенка родителям Залесского в Одессу.

Может быть, вторая беременность подтолкнула пойти в ЗАГС? Но Аня, наверное, еще не знала о ней... Непонятно.

Я поинтересовался, а где же родители Залесской. Из автобиографии в ее личном деле выяснилось, что она сирота. Тоже факт интересный.

По поводу Ильина мне удалось собрать любопытные сведения.

Во-первых, он кончал тот самый институт, что и Залесская (копия диплома в отделе кадров совхоза). Мне, как следователю, надо бы воскликнуть: эврика! Вот он, третий, в злополучном извечном треугольнике. Он, она и он. Но я боюсь слишком очевидного. Все разговоры о том, что его часто видели с Залесской, пока оставались деревенскими сплетнями. И вызвал я его пока что под предлогом уточнить кое-какие сведения о Залесских...

Из моего окна виден подъезд конторы совхоза. За несколько минут до того, как Ильин должен был зайти ко мне на допрос, подъехал мотоцикл с коляской. Водитель, коренастый, плотный парень, положил шлем в коляску и быстро прошел в здание. Мне показалось, что это главный агроном. Я его еще не видел, хотя жил в Крылатом больше недели.

В дверь постучали. Действительно, Ильин. Он был в кожаной куртке, какие можно увидеть в кинокартинах о революции на комиссарах, только без портупей. Жесткий ежик на голове, серые глаза, белесые, едва приметные на загорелом лице брови. Рук его я почти не видел. Он держал их в карманах кожанки. А мне всегда любопытно следить за руками. Можно справиться с лицом, с выражением глаз, но руки обязательно выдают состояние человека.

– Николай Гордеевич, вы кончали институт в Вышегодске?

– Вы хотите сказать, знал ли я там Залесских? Знал. С Валерием мы учились на одном курсе. В одной группе.

Ну что ж, с ним, видимо, надо прямо, без обиняков. Примем его тактику.

– Он не закончил. Вы не знаете почему?

– Нет, не интересовался.

– На каком курсе Залесский ушел из института?

– После четвертого.

– Странная позиция. Товарищ бросает учебу, и вас это не касается.

Ильин пожал плечами.

– Вы комсомолец?

– Член партии.

– Давно?

– Вступил на третьем курсе института.

– Тем более...

– Мы, кажется, с вами не на заседании парткома... – Он усмехнулся.

– Я не касаюсь ваших партийных обязанностей, – сказал я сухо. – Просто мне кажется, в человеческом плане член партии должен быть более принципиальным, чем другие...

– Вы не знаете меня, а уже делаете какие-то выводы, – перебил он.

– Хочу узнать, – спокойно произнес я.

Ильин сурово спросил:

– Любопытно знать зачем?

– Имею я право на простую человеческую любознательность?

– Конечно.

– Благодарю вас. Чтобы устранить возможные недоразумения, хочу вам сказать: меня интересуют в сегодняшнем нашем разговоре кое-какие подробности о супругах Залесских.

– Я так и понял.

– Ну и прекрасно... Вы были с Залесским друзьями?

Ильин мгновение помедлил.

– Говоря честно, так и не стали.

– А Залесскую, тогда Кирсанову, вы хорошо знали?

– Достаточно.

– Как? По учебе, общественной работе или вне студенческой обстановки?

– По учебе не сталкивались. По общественной работе – приходилось. Она была в студенческой. Я тоже. Как вы говорите, вне студенческой обстановки встречались. На лыжах ходили, летом – в походы...

– А ближе? Например, на вечеринках?

Ильин повел плечами. Мне показалось, кулаки в карманах кожанки плотно сжались. Будто даже кости хрустнули. Или это скрипнула кожа куртки...

– На ее свадьбе не гулял.

– А была она, свадьба?

– Не знаю.

– Но об их связи вы знали? Это было как раз на четвертом курсе.

Он посмотрел на меня недобро. Хмуро посмотрел. Или печально?

– Николай Гордеевич, мне кажется, наш разговор вас задевает.

– Задевает, – сказал он. – Потому что я считаю отношения между мужчиной и женщиной прежде всего их личным делом. И только их. Можно осуждать или одобрять общественное поведение человека. Но касаться интимной стороны жизни – полагаю неправильным.

– Происшедшее с Залесской вы считаете делом общественным или личным? – Я произнес эти слова намеренно жестко.

Я видел – он растерялся. Во всяком случае, ему понадобилось время, чтобы подыскать нужный ответ.

– Единственное, о чем можно говорить, – это о ее обязанности по отношению к сыну...

– И еще вопрос. Вы здесь поддерживали с Залесскими прежние отношения?

– Какие прежние?

– Мне кажется, вместе проведенные студенческие годы сближают... Тем более вдалеке от родных мест.

– А мне здесь не до туристических походов и лыжных прогулок.

– Значит, вы не встречались, например, за праздничным столом или просто не проводили вечер, вспоминая Вышегодск?

– Специально – нет. Может быть, перебрасывались несколькими фразами на улице. И все.

– С кем? С Валерием или с Аней?

– С обоими.

– Вы питаете неприязнь к кому-нибудь из них?

– Мне кажется, мои личные чувства не имеют никакого отношения к делу, – отрезал Ильин.

Резкий тон, каким были произнесены эти слова, меня немного задел. Но я постарался спросить как можно спокойнее:

– Николай Гордеевич, вы не помните, о чем шла речь на собрании работников совхоза в конце мая?

Он поднял брови.

– Когда вы выступали в клубе.

– Наверное, о посевной. Во всяком случае, не о балете.

– Отдавая дань вашему остроумию, хочу напомнить, что я приехал сюда не цветочки разводить. И копать иной раз в чьих-то интимных отношениях для меня не хобби, а работа... На сегодня у меня вопросов больше нет.

Он, ни слова не говоря, расписался в протоколе, как мне показалось не читая, и ушел, холодно попрощавшись.

Я встал у окна, но так, чтобы меня не было видно с улицы.

Главный агроном быстрой походкой вышел из двери, надел шлем, одним рывком завел мотоцикл, сел на сиденье и рванул с места.

Растрепанный пес, который всегда дремал на крылечке конторы, от неожиданности вскочил и, сжавшись, трусливо смотрел вслед удаляющемуся мотоциклу.

Странно вел себя Ильин. Настораживающе.

Я перечитал его показания. И пожалел о том, что не сохранил на бумаге те моменты, когда он был язвителен и раздражен. Ведь на эмоции я не имею права. В душе – сколько угодно. В документах же должны быть сухие факты. А как важно отразить состояние человека. Да, жаль, что я не имел возможности сегодняшнюю беседу записать на магнитофон. Потому что видел, чувствовал – за его неприязнью кроется нечто. Что именно, я пока не знал. Не будет же человек ни с того ни с сего раздражаться и ожесточаться.

Может быть, ему не понравилась моя физиономия? Тоже бывает. Или гордыня? Как-никак – он главный агроном, имеет некоторую власть над людьми... Кто-то из великих говорил, что не всякому человеку власть по плечу. А тут какой-то следователь осмеливается затронуть начальственную персону. Мне с такими людьми приходилось сталкиваться не раз. Я вспомнил, как разговаривал с ним по телефону директор совхоза. «Не в службу, а в дружбу...» Ведь Емельян Захарович ему в отцы годится. Не говоря уже о том, что руководитель – он, Мурзин.

С другой стороны, Ильин хорошо знал Залесскую еще в Вышегодске. В Крылатом говорят почему-то о ее встречах с ним, а не с кем-нибудь другим. И сегодняшняя реакция... Все это наводило на размышления...

К вечеру у меня разыгралась ангина. Моя старая недобрая приятельница заботливо следовала за мной повсюду. Я пополоскал горло отваром ромашки, приготовленным все тем же Савелием Фомичом, и валялся на постели с укутанным горлом.

Старик предложил вызвать врача, но я отказался. Знаю наперед все, что он скажет: лежать, стрептоцид, полоскание, согревающий компресс. Может быть, еще горячее молоко со сливочным маслом.

По радио передавали совхозные новости. Во многих бригадах жатва подходила к концу. Молоденький женский голос, мне показалось, Линевой, секретарши директора, назвал передовые бригады.

– Жена участкового? – спросил я у сторожа, хлопотававшего возле меня.

– Галка. Она, – кивнул Савелий Фомич.

«– ...Парад отстающих опять возглавляет бригада Шамоты. На ее участке убрано зерна всего лишь с пятидесяти четырех с половиной процентов запланированной площади...»

– Вот завел порядки, – проворчал сторож.

– Кто? – спросил я.

– Ильин, кому еще. Мало на совещаниях головомойку устраивают, нет, надо перед всеми людьми срамить...

«– ...Видно, работникам этой бригады понравилось ехать на осле...» – задорно проговорила дикторша.

– Ишь изгаляются... Никакого стыда нету, – негодовал Савелий Фомич.

– Что, у вас в хозяйстве разве есть ослы? – любопытствовал я.

– Шаржа, так, кажись, называется, – пояснил сторож. – Кто впереди – это, значит, на спутнике несется. А кто хуже всех – на осле.

– Наглядная агитация, – сказал я.

– Не агитация, а сплошное издевательство. Откуда Шамоте план взять? Там, видишь ли, в прошлый год ребята молодые поднабрались. Хорошая бригада была. И футбольная команда

почти вся из них... Чего Ильин этот взъелся на Шамоту, не знаю. А только месяц назад, аккуратно перед самой косовицей, главный агроном почти всех их парней в город угнал. Учиться на механизаторов. Вот и оголили бригаду.

– Только из этой?

– Из других тоже. Но по одному-два человека. А тут – разом дюжину лучших работников. Это зачем человеку три года кряхтеть над книжками – чтобы руль трактора держать? Так, для городского баловства. Ить за счет совхозных денежек. Теперь над бригадиром насмеваются...

– Неужели главный агроном не подумал, не укрепил другими кадрами?

– Подумал, укрепил! На него как найдет. Одному прямо ковровую дорожку стелет, а другому – кукиш с маслом, прости меня господи... А футбол теперича – тютю, плакали наши награды. – Я вспомнил про выпел за первое место в районных соревнованиях, красующийся в кабинете директора. – Говорили Емельяну Захаровичу: круто берет наш главный. Что об стенку горох...

– А урожай как?

– Это еще посчитать надо будет. Ильин-то без году неделя, а уже командует, будто век тут прожил... И никаких возражений не терпит.

В том, что он резок и крут, я убедился сам. А Савелий Фомич продолжал:

– Как с цепи сорвался. Все ему не так, все не этак. – Он покачал головой. – Ничего. Укатают Сивку крутые горки. Мы все видывали...

Что они видывали, он так и не досказал. В коридоре послышались шаги. Я был единственный обитатель совхозной гостиницы. Значит – ко мне.

С тех пор как за мое питание взялась Серафима Карповна, каждый вечер в это время обычно приходила голенастая, нескладная девочка Настя, укутанная в мамкин платок. «Сноха», – отрекомендовала ее Ищенко. Это юмор.

Настя приносила судок с нехитрым обедом. Всегда обильным и по-деревенски добротным. Серафима Карповна считала, что хорошая работа может иметь место только при создании соответствующих условий.

Постучали. На пороге появилась сама Ищенко. Сторож ретировался.

Серафима Карповна поставила судок на стол, сняла плащ.

– Хвораете?

– Немного.

– А вы поешьте. Для здоровья лучше...

Горло болело, и есть совсем не хотелось. Но, чтобы не обидеть оперативника-хозяйку, я налил в тарелку горячего душистого борща.

– А Ильин действительно был вместе с Залесской в Североозерске, – вдруг сказала Серафима Карповна. Я прекратил есть. Вернее, попытку проглотить хоть несколько ложек. – Только он был с ней не в ресторане, а в кафе.

– Это могут подтвердить?

– А как же. Буфетчик и уборщица. Там самообслуживание, официантов нет. По фотографиям признали.

– И часто их там видели?

– По крайней мере два раза.

– Жаль, что я узнаю об этом только сейчас, – сказал я в сердцах.

– Стараюсь, Игорь Андреевич. – В голосе Ищенко послышалась обида.

Лично я был недоволен темпами расследования. Ищенко это чувствовала. Иной раз моя верная и (я в этом убедился) невероятно работоспособная помощница успевала за день дважды побывать в райцентре. Боюсь, что в Североозерском РОВД ее уже встречали со страхом. Во все концы летели запросы, требования, телефонные звонки... Это помимо тех сведений, которые она собирала здесь, в Крылатом.

– Знаю, знаю, – поспешил я успокоить ее. – Понимаете, хотя бы вчера... Разговаривал я днем с Ильиным. Мне бы очень пригодилось то, что вы сообщили.

– Может, не велика беда? Встретитесь еще.

– Может, и не велика... – Я подумал, что факт одной-двух встреч в кафе Североозерска еще ни о чем не говорит. Случайно встретились. Не совсем они чужие – земляки вроде. – А подробностей не помнят?

– К сожалению, нет. На бойком месте это заведение, у автовокзала. Всегда народу много.

– Но все же запомнили. Почему?

– Ильин там до сих пор частенько обедает.

– Еще хуже, – сказал я почему-то вслух. – Тем более встреча может выглядеть правдоподобно случайной...

Ищенко меня поняла.

– Трудно было с ним?

– Я, Серафима Карповна, присочинять не умею. Да и не подобает, как вы сами знаете...

Она улыбнулась:

– Придумка придумке рознь. Но в отношении Ильина у нас с вами действительно пока ничего существенного нет.

– Будем искать, – сказал я.

Итак, Ильин скрыл, что встречался с Залесской в районе. Впрочем, я у него об этом не спрашивал. Но он вообще отрицал дружеское, приятельское общение с обоими супругами...

Серафима Карповна приняла мою задумчивость за желание остаться одному. И собралась уходить.

– Ну, отлеживайтесь, Игорь Андреевич. С такими болячками не шутят. Вон в журнале «Здоровье» пишут, какие пошли осложнения от всех заболеваний. Жена небось далеко, приказать некому...

– Приказчиков хватает. Жены – нет. И между прочим, не было...

– Как же так? – Она непроизвольно снова опустилась на стул.

– Да так. Не пришлось.

– Нехорошо, – сказала Ищенко. Я ждал обязательной в таком случае народной мудрости, пословицы или поговорки, но Серафима Карповна повторила: – Нехорошо одному. Тоскливо.

– Зато работе не мешает, – отшутился я.

– Семья работе не помеха. Наоборот. Уж сколько я мотаюсь. Иной раз детей и мужа по месяцам не вижу. Все равно знаю, в Барнауле они, и душа спокойна. Что они есть. Не представляю, как так можно...

– Много у вас детей?

– Четверо. – В ее словах прозвучала нескрываемая гордость. И нежность.

– Большие, наверное?

– Старший уже семью имеет. Младшенькой – тринадцатый пошел. Правда, трое не мои, мужа. Разве в этом дело? Я считаю, кто воспитал, тот и родитель.

– Это так родители считают. А дети?

– Вырастут, ответят.

Я подумал о Кешке. Интересно, сможем ли мы стать родными друг другу?..

Еще я подумал, как Ищенко удастся сочетать службу с воспитанием детей. И не родных. Дело, по-моему, очень и очень деликатное. И я спросил об этом у нее. Осторожно.

К моему удивлению, Серафима Карповна отнеслась к этому с юмором.

– Решил посадить на чужую шею троих, а ему вместо этого еще и четвертую подкинули. Я почти все время на колесах... Вот так-то получается иной раз в жизни, Игорь Андреевич. Но Гриша мой не в обиде. Он и сам детей любит. А мать нужна обязательно. Ой как нужна. Пусть даже такая приходящая, как я, – закончила со смехом Ищенко.

Я видел, Ищенко было приятно говорить о семье. И то, что я заговорил об этом, тронуло ее.

Наверное, муж ее теперешний из вдовцов. Конечно, трудно найти хозяйку на троих ребятишек. Как она сказала: «приходящая мать»... По инерции Серафима Карповна распространила свою опеку и на меня. Тоска по детям... И я сказал ей фразу, которую, видимо, говорят многие:

– Как это вы такую специальность выбрали? Неподходящую многосемейному человеку...

– Не я ее выбирала, она сама меня нашла. А как же иначе, Игорь Андреевич?

– Конечно, что по душе, то самое лучшее. В одном американском институте открыли, все болезни человека идут от работы, которая ему не нравится. И сердечно-сосудистые, и алкоголизм, и наркомания, и ранняя старость...

– Мне моя работа нравится. Но я о другом. Из благодарности я пошла в милицию. Как матери, ей благодарна.

Э-эх, – вздохнула она. – Коли б не милиция, не знаю, кем бы сейчас была Сима Ищенко. Война, Игорь Андреевич, она сколько сирот да душевных калек оставила? Большинство людей, конечно, нашли свою дорогу в жизни. А я, глупенькая, напуганная девчонка, в пятнадцать лет осталась одна в чужом городе, без копейки, без хлебной карточки.

Поверите, единственное платишко, кофтенка да мужицкие драные сандалеты... Дело теперь прошлое, а я ведь чуть не сбилась, едва под откос не полетела. Заманили в одну компанию. Накормили. Помню, за сколько дней хоть раз досыта поела. И меня сразу на дело потащили. Видят, глупенькая, доверчивая. А должна я была «в дурку сыграть».

Сейчас поясню. Один из пацанов, какой пацан, дылда здоровая, Жиганом прозвали, по кинофильму, помните? Так этот Жиган выхватывает у кого-нибудь сумку, у женщины, конечно, – и тягу. Я, будто бы посторонняя, погону на ложный след должна направить. «Сыграла я в дурку», да, видно, не так, как надо. Сцапали Жигана, а женщина, пострадавшая, показала милиционерам какую-то книжечку, взяла меня за руку и повела. А я реву, слезы по щекам размазываю. Смотрю, привела в дом. К себе... Оказалось, она сама старшина милиции. Короче, успокоила, расспросила обо всем. Конечно, у ней глаз наметан, наверное, был... Жизнь мне спас этот человек. На первое время она поселила меня у себя. Семья большая, да еще эвакуированные... Ох, времечко было. Можно сказать, она мне вторая мать. Во всем хотелось походить на нее. Я выросла уже, стала самостоятельной, специальность рабочую получила. Говорю ей: «Пойду в милицию, хочется очень». Она мне: «Сима, милая, работа наша трудная. Ты девушка симпатичная...» Это я не для красного словца, Игорь Андреевич, так она и сказала. Конечно, какие теперь мои годы, для женщины – солидные. Так вот: «Милиция требует всего человека. Справишься ли?» Говорю: «Конечно». Молодость, все мне нипочем. «Тогда иди», – говорит. Пошла... А с ней мы переписываемся. Она на пенсии уже. В Перми живет. Всю жизнь отдала милиции. Вот и я по ее стопам пошла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.